

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 13

**Профессор Салазар
и
Национальная Революция
в Португалии**

Москва
2024

УДК 613.2
ББК 51.230
П 76

П 76 Профессор Салазар и Национальная Революция
в Португалии. - Москва, 2024. - 104 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Антониу де Оливейра Салазар - человек достаточно малоизвестный в правых кругах обеих Америк, Европы и пост-СССР. Разумеется, где-то его знают лучше, где-то хуже, но в целом информация о нём сводится к штампам о «фашистской / корпоративистской диктатуре в Португалии», «помощи испанским фашистам» и «ущемленным свободам разных групп населения» - преимущественно, конечно, леваков и «деятелей науки и искусства», которые хотели революционных перемен, красных флагов и удавливания оппонентов кишками других оппонентов. Между тем, Салазар был одним из самых рациональных, грамотных правых лидеров в Европе; кроме того, ему принадлежал крайне амбициозный геополитический проект союза с Бразилией и возвращения Португалии статуса великой державы. Сам Салазар был убеждённым сторонником колониализма, христианского национализма и иберийского корпорativизма - той самой модели, на которой позже выросли уже окончательно оформленные как правые движения, латиноамериканские хунты. Свою модель государства он называл *Estado Novo* («Новое Государство») и старался максимально дистанцироваться и от социализма, и от британско-американского либерализма.

Формат 60 x 90 1/16 (148x210)
Объём 6,25 печ. л.
Печать офсетная
Тираж 100 экз.
Заказ №557

Содержание

Роман Раскольников. ДИКТАТУРА ПРОФЕССУРЫ.....	4
Вольфганг Акунов. ПРОФЕССОР САЛАЗАР.....	15
Вячеслав Новиков. ДОКТРИНА ПОРТУГАЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	56
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	66
Мирча Элиаде. САЛАЗАР И РЕВОЛЮЦИЯ В ПОРТУГАЛИИ.....	69
Максимилиан Шепелев. САЛАЗАРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ.....	73
Александр Шведов. САЛАЗАР.....	99

Роман Раскольников

ДИКТАТУРА ПРОФЕССУРЫ

*Глядя на светлые лики диктаторов
Я присягаю им в огненной верности
Тем, что порвали основы стабильности
Тем, что творили большое, великое
Глядя на вечные лики диктаторов
Что не горят и никем не забудутся
Я салютую вам сердцем и разумом
Верой в победу огня и бессмертия*

*Перечеркнув ложь новейшей истории
Перерубив узел мелочной логики
Я салютую вам сердцем и совестью
Вечные, ясные лики диктаторов
Я салютую вам, лики диктаторов
Я доверяю вам, лики диктаторов
Я присягаю вам, лики диктаторов
Я восхваляю вас, лики диктаторов*

*Их сожгут, оклевещут, задавят, засудят
Растопчут, распнут, их казнят, опорочат
Но я салютую вам сердцем и совестью
Верой в победу огня и бессмертия
Я салютую вам, лики диктаторов
Я доверяю вам, лики диктаторов
Я присягаю вам, лики диктаторов
Я восхваляю вас, лики диктаторов*

*Это новое солнце глядит в наши окна
Ища отклик пламени в сердце у каждого*

*Новое, вечное солнце зачатое
Там, где нас нет, молодое и гордое
Перечеркнув ложь новейшей истории
Перерубив узел мелочной логики
Я салютую вам сердцем и разумом
Вечные, ясные лики диктаторов*

*Я салютую вам, лики диктаторов
Я доверяю вам, лики диктаторов
Я присягаю вам, лики диктаторов
Я восхваляю вас, лики диктаторов*

Молот Родины

XX век был «урожайным» на диктаторов... Впрочем, термин «диктаторы» нам представляется не вполне релевантным: уж больно разные фигуры и режимы «подвёрстываются» под оный. У авторитарных правителей тех времён общим была лишь единоличная власть, а всё остальное отличалось крайним разнообразием... Скажем, Сталин не просто «диктатор», но и «тиран», а вот Гитлер и Муссолини никакие не «диктаторы». Сам Дуче оспаривал применимость к себе и Фюреру ярлыка «диктатора», приводя такие аргументы: «Все аргументы, выдвинутые против нас нашими врагами, не соответствуют действительности. Ни в Германии, ни в Италии нет диктатуры, а есть организации и силы, служащие народу. Ни одно правительство, ни в одной части мира, не пользуется таким одобрением народа, как правительства Германии и Италии. Величайшими и наиболее подлинными демократиями в современном мире являются немецкая и итальянская. В других странах под прикрытием «неприкосновенных прав человека» в политике доминируют силы денег, капитала, тайных обществ и политических групп, конкурирующих друг с другом».

Оставим в стороне «диктаторов слева», но в среде правых, «фашистских» правителей фигура профессора Салазара выделяется своей своеобразностью. «Диктатор» Португалии проф.

Антónиу ди Оливéйра Салазáр (порт. António de Oliveira Salazar) был самым «тихим диктатором» своего времени, так что большинство европейцев даже не подозревали, что в Португалии «диктатура». Может ли диктатор обходиться без дворцов и даже жить в маленькой квартире? Звучит как фантастика, но в Европе в XX веке был хозяин страны, который подавал чиновникам и всему народу личный пример скромности, честности и бережливости. Салазар правил своей страной 40 лет (1928 – 1968). Из европейских диктаторов XX века к нему приблизились лишь Тито (35 лет у власти) и Франко (34 года). У Сталина этот показатель скромнее – 29, у Муссолини 21, а у Гитлера вообще 12. Рекорд Салазара удивителен, если учесть, что в Португалии в первой четверти века убийства правителей, восстания и перевороты были обычным явлением. 1 февраля 1908 года анархисты застрелили короля Карлуша I и его сына Луиша Филиппе, а в 1910 году португальскую монархию сменила республика, политическая жизнь которой являла собою полный хаос. По крайней мере с 1910 по 1926 год в стране сменилось 9 президентов, 44 премьер-министра и 3 диктатора, что давало повод зарубежной прессе язвительно писать о «Португалии с её еженедельными переворотами». А при Салазаре в стране на долгие годы наступила «тишь да гладь да Божья благодать». Совецкая пресса утверждала: причина этого – «кровавый террор»! С её страниц вставал жестокий фашистский генерал, не успевающий подписывать смертные приговоры. Но Антониу ди Оливейра Салазар никогда не был военным. Он был профессором. А смертной казни в Португалии вообще не существовало.

Салазар с отличием закончил Коимбрский университет — старейший (основан в XIII веке) и весьма престижный вуз страны. На выпускных экзаменах А.Салазар заработал 19 баллов из 20 возможных и был принят на работу в Коимбрский университет в качестве преподавателя политэкономии. До университета он прилежно учился в духовной семинарии, а на первом курсе А.Салазар вступил в кружок христианской молодёжи и был за-

мечен вождями Католической партии, причем юноша отставал свои взгляды с такой страстью, что о нем говорили: «Если бы он не был католиком, то наверняка стал бы анархистом». Это был скромный, замкнутый и, как многим казалось, за-комплексованный человек. Один из его тогдашних товарищей впоследствии вспоминал: «Я никогда не видел, чтобы в одном человеке было столько противоречий. Ему нравилась компания женщин и их красота, но он вёл жизнь монаха. Скептицизм и страсть, гордость и скромность, недоверчивость и доверие, обезоруживающая доброта и неожиданное жестокосердие — всё это было в нем одновременно».

Салазар не рвался к власти и получил её как подарок судьбы, не участвуя ни в заговорах, ни в выборах. Как тут не вспомнить совет профессора Воланда из романа «Мастер и Маргарита»: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенностях у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут»... Что делает новоназначенный министр финансов, да и любой министр, в большинстве бедных стран? Первым делом покупает для себя «крутой» служебный автомобиль и обставляет кабинет шикарной мебелью. При Салазаре подобная практика стала невозможной. Расходы министерств и ведомств были урезаны до минимума. За их превышение руководителям грозила уголовная ответственность. Сам Салазар подавал пример скромности и бережливости: жил в небольшой квартире, не пил и не курил, годами носил серый костюм, в котором когда-то читал лекции студентам. Авторучки были не дёшевые, поэтому Салазар писал обычной перьевской ручкой («вставочкой»), и всем чиновникам приходилось делать то же самое. Его нехитрое домашнее хозяйство с университетской поры вела экономка, заменившая ему повара, горничную и прачку. Вступив в должность, он заявил членам правительства: «Я отлично знаю, чего я хочу и куда я иду. Можно делать мне предложения, возражать и дискутировать, но когда придет время отдавать приказы, я буду ждать их исполнения!».

Всего за год Салазар ликвидировал огромный бюджетный дефицит. Как ему это удалось? Финансовая дисциплина и жёсткая экономия сыграли, конечно, важную роль. Но ещё важнее была борьба с коррупцией – на деле, а не на словах. Он перекрыл каналы разворовывания бюджетных денег, и оказалось, что экономика скорее жива, чем мертва... Президент Кармона не был замешан в коррупции и не стал строить планы избавления от Салазара. Наоборот, в 1932 году он назначил его премьер-министром, – этого хотел народ. 43-летний Салазар стал полным диктатором, а президент отошёл на задний план и выполнял лишь церемониальные функции. Порой он вздыхал в кругу близких: «Сижу в золотой клетке». Впрочем, это его устраивало: Салазар гарантировал ему победу на всех предстоящих президентских выборах...

Справившись с экономическим кризисом, он не вернулся в университет (откуда, кстати, не увольнялся, а взял в университете академический отпуск и с тех пор в течение 40 лет Салазар ежегодно лично доставлял ректору прошение о его продлении), а задался в роли премьер-министра довольно дерзновенной целью. Он заявил, что для процветания страны одних лишь финансовых рычагов недостаточно – нужно создать в Португалии нового человека с новой моралью потребления. «Избыточное потребление и роскошь, – говорил он, – развращают людей, но и бедность не добродетель. Истина посредине – в удовлетворении основных жизненных потребностей путём напряжённого труда».

Вот ещё несколько изречений проф. Салазара, характеризующих его мировоззрение:

- Я не верю в равенство, я верю в иерархию;
- Абсолютная власть может существовать, абсолютной свободы никогда не бывает;
- Считаю создание широкой элиты более срочным делом, чем обучение всего населения чтению, ибо большие национальные проблемы должны решаться не народом, а элитой;

- Мы против всех интернационализмов, против коммунизма, против профсоюзного вольнодумства, против всего, что ослабляет, разделяет, распускает семью, против классовой борьбы, против безродных и безбожников, против силы в качестве источника права. Мы против всех великих ересей нашего времени... Наша позиция является антипарламентской, антидемократической, антилиберальной и на её основе мы хотим построить корпоративное государство;

- Семья является «первозданным ядром церковного прихода, общины, а отсюда и нации. Она, следовательно, является по самой своей природе первым из органических элементов государства».

- Не обсуждайте Бога и Его волю, не обсуждайте Отечество, не обсуждайте нацию;

- Всё для нации, ничего против нации;

- ООН бесполезна и более того - опасна... Это почва, на которой цветёт демагогия и произрастают страны, лишенные всяческих традиций;

- Государство - это социально оформленная нация;

- Если демократия означает равнение на низы и отказ от признания неравенства людей; если она пребывает в убеждении, что власть исходит от масс, что править – это дело масс, а не элиты, то я рассматриваю демократию как фикцию.

«Новый человек» виделся ему мирным тружеником, свободным от злобы, зависти и эгоизма. Осуществить эту правую утопию должно было «Новое государство» («Эштаду Нуэву»), которое Салазар провозгласил в 1933 году. В этом году Салазар провёл референдум, на котором была принята новая, «корпоративная» конституция, причем за проголосовали более 700 тыс. избирателей, а против — всего 6 тыс. Отныне в Португалии устанавливался новый политический строй под названием «Новое государство», которое, по мнению Салазара, как нельзя лучше соответствовало традициям португальского народа. В ту пору такое государство уже было построено в Италии Бенито

Муссолини, портрет Дуче находился на рабочем столе Салазара, но считалось, что Португалия идёт своим, особым путём.

Был созван и парламент — Национальная ассамблея, на выборах в которую победила единственная партия — Национальный союз. Лояльность ассамблеи дополнительно гарантировалась тем, что возглавил её однокашник Салазара в Коимбрском университете Мариу де Фигейреду. Вскоре вокруг Салазара сплотилась группировка «коимбрских», объединявшая профессоров и выпускников достославного университета. Так, пост министра-президента (главы канцелярии премьер-министра) занял коимбрский профессор Марселу Каэтану, а коимбрский выпускник кардинал Мануэль Сережейра стал кардиналом-патриархом Лиссабона и фактическим главой католической церкви на территории Португалии.

Салазар, как упоминалось выше, окончил семинарию при монастыре иезуитов. Он был из набожной бедной семьи и искренне хотел стать священником, но цареубийство в Лиссабоне изменило его планы. За этим терактом стояли набиравшие силу в стране республиканцы, непримиримые враги Церкви. Их газета писала, что недалёк день, когда последний король будет удавлен кишками последнего священника. Салазар всерьёз отнесся к этой угрозе. Получив полноту власти, он оставался ревностным Христианином и непримиримым врагом всех врагов Церкви.

Вообще, дружба с Церковью принесла новому режиму немалые дивиденды. Именно М. Сережейра «раскрутил» историю крестьянских девочек из деревни Фатима, которым явилась сама Дева Мария и тем самым подтвердила роль португальцев как народа-богоносца. Сам Салазар гордился тем, что его правительство являлось самым просвещённым в мире, — действительно, «коимбрским» при нём традиционно принадлежала половина министерских портфелей и немалое число других высоких постов. Этакая «кафедрократия». Диктатура профессуры...

В «Эштаду Нуэву» профсоюзы были, по примеру фашистской Италии, заменены корпорациями, объединяющими рабочих и предпринимателей. Хозяева и представители рабочих должны были вместе, «по-семейному» решать, как оплачивать труд, распределять прибыль и т.п. Салазар считал, что это оберегит справедливость и классовый мир. Он хотел, чтобы «Новое государство» не командовало производством, как в СССР, а выступало арбитром, если внутри корпораций не удалось прийти к согласию. Забастовки были запрещены «ввиду их ненадобности», но под запрет попали и локауты – временные остановки предприятий без выплаты заработной платы (Салазар помнил, что именно с локаута на Путиловском заводе Петрограда началась в России Февральская революция).

Все партии – не только коммунистическая – были запрещены. Салазар утверждал, что они сеют раздор, выражая интересы лишь части народа. Вместо них он создал Национальный союз и называл его не партией, а всенародным объединением, которое должно «организовать нацию». Слово «нация» было его любимым.

Салазар открыто говорил, что он не демократ («Большие национальные проблемы должны решаться не народом, а элитой!»), но в конституции всё же была предусмотрена свобода слова, собраний и печати. Правда, та же конституция позволяла правительству ограничивать эти свободы «для общей пользы»...

Как всякий «диктатор», он не жалел денег для армии, но генералов в правительство не брал, пополняя его, в основном, людьми из своего родного университета. Намерения Салазара были благими – он искренне желал своей стране добра, и она горячо его поддержала.

Удивительно, что португальцы поверили этому человеку, столь непохожему на них. Они эмоциональны и многословны, – он крайне сдержан, рассудочен и внешне холоден. Они любители вина, женщин и путешествий, – он аскет и домосед, за всю жизнь практически не выезжавший из Португалии. Они

привыкли, что ими правят короли и генералы, а у него вместо мундира с золотым шитьём старый профессорский пиджак... Но противоположности притягиваются, видимо, не только в электричестве.

Многие политические лидеры той эпохи, от Керенского до Муссолини, обожали ораторствовать. Салазар избегал публичных выступлений и занимался только делом. Став премьер-министром, он стимулировал производство пшеницы, и Португалия, которая прежде её ввозила, начала её экспортirовать. Хлеб стал доступен всем. А зреши, главным из которых был футбол, хватало и прежде. В 1940 г. журнал Life назвал Салазара «величайшим португальцем со времён Генриха Мореплавателя».

В 1936 году в соседней Испании вспыхнула гражданская война. Правый мятеж против республиканского правительства возглавил генерал Франко. Его поддержали Гитлер и Муссолини, а республиканцев – Сталин. Салазар ни минуты не колебался, чью сторону ему принять. Он был правоверным католиком, республиканцы же – воинствующими атеистами. Призыв их португальских единомышленников насчёт «кишок последнего священника» крепко запомнился Салазару. А главное, были все основания полагать, что в случае победы республиканцев СССР создаст в Испании Иберийскую советскую республику, которая поглотит и Португалию. Сталин, был глубоко антипатичен Салазару. Он был врагом религии и возглавлял режим, где человек, по его словам, «существует лишь ради славы и величия партии». Внешняя угроза сплотила португальцев. В Испанию отправился добровольческий легион «Вириатуш» из 20 тысяч бойцов. А в Лиссабоне неофициально действовал центр по доставке франкистам оружия из Германии.

Во Второй мировой войне Салазар соблюдал нейтралитет и не помог Германии даже добровольцами, в отличие от Испании Франко. Говорят, что его удерживала боязнь потерять африканские и азиатские колонии. Англия и США действительно могли легко ими завладеть. Португальцы были счастливы, что

Салазар избавил их от ужасов міровой бойни. Более того, он сумел обогатить страну, торгую и с Англией, и с Германией. Португалия имела мощные залежи вольфрамовых руд, а вольфрам необходим для производства танковой брони, орудийной стали и т.п. Салазар ухитрялся продавать эту руду по очень высокой цене и немцам, и англичанам. За годы Второй міровой Португалия заметно поправила своё материальное положение, превратившись из вечного должника и банкрота в страну-кредитора (кредитовала в том числе и Англию). Её золотой запас вырос почти в семь раз. По окончании войны в знак благодарности за то, что Бог уберёг страну в самой кровопролитной міровой войне всех времён, у Лиссабона воздвигли монумент Христа Спасителя. Тем не менее, персональные симпатии Салазара были на стороне Фюрера. Португалия в 1945 году была одной из крайне немногих стран, где по известии о смерти Гитлера, официально был объявлен двухдневный траур. Советская пресса отзывалась на это решение Лиссабона в своей манере: «Португальские лакеи Гитлера в трауре».

В 1968 году Салазар получил инсульт, упав с любимого шезлонга, ветхая ткань которого порвалась (он считал неправильным тратиться на новый шезлонг, пока ещё служит старый). Его разбил паралич. Президент, хоть и не сразу, назначил ему преемника, но Салазару об этом не сказали. Министры слали ему «служебные записки», якобы отчитываясь о работе, и время от времени приезжали «за указаниями». Специально для него даже выпускали в одном экземпляре газету, которая давала ему только «правильные» новости. Так продолжалось почти два года. Он умер в уверенности, что по-прежнему правит страной.

А.Салазар умер 27 июля 1970 года, но режим, возглавляемый верным «коимбровцем» Марселу Каэтану, продержался еще четыре года. В 1974 году Новое государство рухнуло после очередной попытки переворота, на сей раз успешной. Жители Лиссабона встречали победоносных путчистов цветами, и переворот вошел в историю как «революция гвоздик». Или

просто «цветная революция», после которой Португалия взяла курс на европейскую интеграцию.

В 1974 году Португалия стала таки деръмократической. Генеральный секретарь компартии Куньял вошёл во Временное правительство, впервые были установлены дипломатические отношения с СССР. Левачки усердно клеили к покойному Салазару ярлык «фашиста». В 1986 году Португалия вступила в Евросоюз. А 26 марта 2007 года Салазар в результате интерактивного голосования в национальном телешоу «Великие португальцы» был избран самым великим португальцем в истории, обойдя великого Генриха Мореплавателя и Афонсу I (первого короля и основателя Португалии). Первое место Салазар занял с огромным отрывом от девяти других финалистов (41% голосов). Видимо, жизнь в составе ЕС не показалась португальцам мёдом, и они стали ностальгировать по своему бывшему «диктатору».

К 120-летию Салазара его могилу в родном селе привели в порядок и выбили на камне надпись:

«Здесь покоится человек, которому больше всего осталась должна Португалия. Он отдал Стране всего себя, не взяв для себя от Страны ничего».

Вольфганг Акунов

ПРОФЕССОР САЛАЗАР

*«Если демократия означает равнение на низы и отказ от признания неравенства людей; если она пре-
бывает в убеждении, что власть исходит от масс,
что править – это дело масс, а не элиты, то я рас-
сматриваю демократию как фикцию».*

Антониу ди Оливейра Салазар, 1958 год

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Подобно другой стране, также расположенной на Пиренейском полуострове и явившейся в прошлом міровой державой – Испании, – Португалия с началом промышленной революции постепенно деградировала до уровня третьестепенного государства. Навсегда ушли в прошлое времена, когда португальские мореходы Диаш, Кабрал и да Гама открыли для своей страны, а вместе с ней - для всей Европы - морской путь вокруг Африки в Индию, Китай, Японию и в Южную Америку, а португальские “конквистадоры в панцирях железных” - Алмейда, Албукерки, Соариш и другие - покорили и освоили побережья Южной Аравии, Индии, Юго-Восточной Азии, Африки и Бразилии.

Знаменательными вехами на пути распада португальской Империи стали открытие традиционной союзнице португальцев – “бульдожьей Британии” (по выражению “крикогубого Заратустры” - Владимира Маяковского) – доступа в португальские колонии и опустошения, которым португальская метрополия подверглась, в ходе наполеоновских войн, начиная с 1808 года. После отделения Бразилии от Португалии последняя превратилась в конституционную монархию с хронически большой экономикой, консервативная элита которой постоянно боролась с республиканцами и социалистами (как правило - членами тайных франкмасонских лож, принадлежавшими к всемірному

братству “вольных каменщиков”), в свою очередь, расколотыми на множество враждующих между собой фракций. Власть и богатство были сосредоточены в руках римско-католической церкви и верхушки тончайшего правящего слоя, состоявшего из крупных помещиков и представителей знати, в то время как народные массы древней Лузитании вплоть до середины прошлого века влачили свою жизнь в бедности и нищете.

В этой-то раздиаемой внутренними распрями и поражённой нищетой стране с великим прошлым, неприглядным настоящим и неясным будущим 28 апреля 1889 года родился Антониу ди Оливейра Салазар. Будущий португальский реформатор увидел свет в селении Вимиэйру близ городка Санта Комба в долине Дау (провинция Бейра). Его отец, дом Антониу ди Оливейра, был управляющим имением знатного, но небогатого помещика, а мать, Мария ду Ришгати Салазар, содержала привокзальное кафе в Санта Комба, пополняя доходами от него достаточно скучный семейный бюджет. Из приведённых фактов со всей очевидностью явствует, что скромное семейство Салазаров отнюдь не входило в состав правящей португальской олигархии, относясь, в лучшем случае, к низшему слою среднего класса. Юный Салазар окончил сельскую (начальную) и среднюю городскую школу, после чего решил стать богословом и в 1900 году был принят “на казённый кошт” в духовную семинарию города Визеу. В описываемое время только учебные заведения, принадлежавшие католической церкви Португалии, предоставляли небогатой сельской молодёжи возможность продолжить образование.

1 февраля 1908 года в Лиссабоне в результате масонского заговора был убит король Португалии дом Карлуш I. В том же самом 1908 году Салазар-младший в возрасте 19 лет завершил своё богословское образование. Однако юный выпускник мог быть рукоположен в священники лишь в возрасте не моложе 24 лет, причём для этого нужно было получить новую стипендию, а такой возможности не имелось. Кроме того, в стране множились признаки близкой политической бури. Не за горами

было свержение португальской монархии, противники которой – масоны-республиканцы - не делали секрета из своего открыто антиклерикального курса, который они, прия к власти, намеревались неуклонно претворять в жизнь всеми силами и средствами. Таким образом, особых шансов на обеспеченное существование в сутане католического священника для молодого Салазара не предвиделось.

С другой стороны, от духовной карьеры его отталкивали поистине рабское послушание низших представителей клира высшим и категорический запрет на участие в политической жизни, являвшиеся характерными чертами существования католического духовенства в тогдашней Португалии. Впрочем, учёба в семинарии помогла Салазару выработать в себе стойкую христианскую мораль и интеллектуальную дисциплину, свойственные ему на протяжении всей его долгой жизни. До последних дней Салазара ярким маяком на жизненном пути ему, по его собственному признанию, служило учение одного из величайших авторитетов Западной церкви - “ангельского доктора” Фомы Аквинского. Уже в самом юном возрасте Салазар отличался упорной волей, высочайшей образованностью и абсолютным, непоколебимым спокойствием даже в самых драматических обстоятельствах. Единственным отрицательным качеством, усвоенным им за годы обучения в духовной семинарии, стала, по общему признанию, лишь крайняя сдержанность и даже холодность в отношениях с другими людьми.

4 октября 1910 года антимонархическая революция в Португалии, о необходимости которой так долго говорили франк-масоны, совершилась. Король дом Мануэл II был низложен (впоследствии Салазар, уже будучи пожизненным главой государства, узнав о смерти низложенного и изгнанного короля в эмиграции, распорядился организовать его официальные похороны на государственный счет). Студенты древнего Коимбрского университета - все республиканцы, как один! - в порыве ликования изрешетили пулями из револьверов статуи и портреты португальских королей. Именно в этом университете Са-

лазар, спустя полгода, начал изучать юриспруденцию (сделав при этом основной акцент на вопросы государственного управления) и экономику. При этом он руководствовался в основном социально-политическим учением папы римского Льва XIII.

Учение папы Льва предусматривало возможность и даже необходимость государственного вмешательства в экономику, социальную справедливость в отношении рабочего класса и государственный контроль вместо революции. С точки зрения римского понтифика возведение частной собственности в абсолют являлось не менее безбожным, чем её полное отрицание коммунистами. Капитализм и государство должны были служить благу всего общества. Материализм осуждался за свойственную ему дегуманизацию человеческого общества и превращение последнего в аморфный коллектив индивидуумов, озабоченных (как писал Ф.М. Достоевский) исключительно “спасением животишек”.

Немалое влияние на мировоззрение студента Салазара оказали также идеи французского роялиста Шарля Морраса (Морра), основателя католической монархической организации “Аксyon Франсэз” (“Французское действие”) и военизированного крыла последней – “Камло де Руа” (“Королевские парни” или “Королевские молодцы” - но уж никак не “Королевские камелоты”, как чёрным по белому написано в переводе с английского языка на русский “Берлинского дневника” Уильяма Ширера!). Шарль Морра(с) требовал установления приоритета простоты, скромности, социальной дисциплины и человеческих добродетелей. Под влиянием идей папы Льва XIII и Шарля Морра(са) Салазар вступил в “Академический (Студенческий) Центр Христианской Демократии”. Однако, в отличие от Морра(са), он отвергал реакционный монархизм, занимая как бы промежуточную позицию между правым и левым фронтом. Вскоре Салазар начал публиковать свои статьи на темы общественной жизни в газете “О Импаршиал” (“Безпартийный”), издававшейся его другом и единомышленником Мануэлом Гонсалвишем Сережейкой.

Наиболее характерной чертой эфемерной Португальской республики являлась хроническая политическая нестабильность с постоянной сменой кабинетов, министерской чехардой, военными путчами и беспорядками. Одной из наиболее разумных мер, осуществлённых республиканским масонским режимом, являлась радикальное отделение католической церкви от государства. Оставшись без государственной поддержки, церковь волей-неволей, ради самосохранения оказалась вынужденной самореформироваться. Одной из незаживающих язв Португальской республики были повсеместная коррупция и кумовство, унаследованные от монархии и не искоренённые с должной последовательностью. Штаты республиканских министерств и ведомств были непомерно раздуты, число чиновников многократно превышало реальную потребность в таковых.

Все попытки сократить государственные расходы были безуспешными. Предшествовавшие установлению республики неоднократные случаи государственного банкротства при монархии не воспринимались как предостережение почти никем. Напротив, положение постоянно ухудшалось вследствие проводившейся с преступным легкомыслием политики займов у заграничных банков. В то же время политические противники республиканских властей подвергались жестоким преследованиям. Число политических заключённых “демократически-правового” республиканского режима в скором времени преувеличило 2000. Эмиграция сотен тысяч португальцев из страны в поисках лучшей доли продолжалась, как и при короле, а об уменьшении массовой бедности, обещанном республиканцами народу, не могло быть и речи.

В мае 1914 года Салазар выступил в городе Опорту с речью о церкви и демократии. Форма государственной власти не имела для него значения, ибо удержать наступление демократии было всё равно невозможно. Демократия, с точки зрения Салазара, вполне могла бы сочетаться и с католицизмом. Однако Салазар считал необходимыми условиями для построения истинно демократической Португалии предварительное воспитание и

просвещение нации, её “обучение демократии”. Осознать эту необходимость должно было, по его мнению, и правительство молодой Португальской республики. Без соответствующего воспитания народа демократия, вследствие приверженности необразованных масс крайне “модному” в описываемое время учению о классовой борьбе, грозила выродиться в демагогию и натравливание одной части нации на другую безпринципными политическими авантюристами и популистами.

В том же самом году Салазар блестяще сдал экзамены, получив 19 баллов из 20 возможных. Он стал преподавателем юриспруденции в Коимбрском университете, а в 1917 году - также ассистентом (младшим преподавателем) кафедры экономики. В 1918 году Салазар защитил докторскую диссертацию, а через год стал ординарным профессором. Совместно с Сережей-рой (которому было впоследствии суждено стать кардиналом римско-католической церкви и примасом, то есть Верховным представителем католической церкви Португалии), и известным математиком Пашеку ди Аморимом молодой учёный сплотил вокруг себя кружок правых интеллектуалов, в среде которых родилась идея о необходимости воспитания португальской нации, направленного на пробуждение в массах национального духа и понимания необходимости служения государству. Профессор Салазар стремился не к воспитанию из португальцев заумных интеллектуалов, а к превращению каждого из них в самостоятельную, мыслящую, цельную, гармонично развитую личность.

В конце Великой (Первой мировой) войны 1914-1918 гг. Португалия, вдобавок ко всем своим бедам, дала Антанте (так сказать, в порядке масонской солидарности) втянуть себя в военные действия против Германии, что обернулось для португальского народа тяжёлыми, а главное - совершенно не нужными ему - потерями на полях сражений во Франции. Салазар, его друзья и единомышленники являлись решительными противниками вступления Португалии в войну против кайзеровской Германии, но их голос не был услышен.

В 1919 году Салазар и трое его коллег были уволены из университета по явно высосанному из пальца, но очень серьёзному в глазах масонов-республиканцев обвинению в монархической агитации и пропаганде. Профессор Салазар публично указал на отсутствие против него каких-либо конкретных обвинений. Он подчёркивал, что до сих пор являлся счастливым исключением, не будучи ни разу с момента антимонархического переворота заключён в тюрьму. Между тем, республиканские власти, начиная с 1910 года, успели приговорить к различным срокам тюремного заключения (или бросить за решётку без суда) чуть ли не каждого второго португальца! Салазар подчёркивал, что тяжелейшие проблемы Португалии, и, прежде всего – проблему вопиющей нищеты огромного большинства её населения, - невозможно решить чисто политическими средствами.

По его мнению, решение этих проблем следовало искать в людях, а не в политической окраске министерств. Поэтому он и стремился воспитать из своих студентов серьёзных и разумных людей. “Ныне подлинно серьёзные и разумные люди не ограничиваются рамками узкого мышления, игнорирующего, презирающего или отвергающего прогресс человеческого разума... они признают факты нашей действительности, как бы те ни противоречили нашим собственным идеям и нашим внутренним убеждениям”. В конце концов, профессор Салазар и его друзья были оправданы по всем пунктам выдвинутых против них воинствующими республиканцами обвинений и вновь смогли заняться преподавательской деятельностью.

В ходе парламентских выборов 1921 года Салазар с большой неохотой дал друзьям и единомышленникам убедить себя выставить свою кандидатуру от Партии Католического Центра. Он был избран и уже 21 сентября 1921 года – в первый и единственный раз - принял участие в первом заседании парламента. Однако обстановка, царившая в парламенте, вызвала в нём только отвращение. Салазар был глубоко убеждён в том, что либеральный индивидуализм привёл к распаду общества и вырождению демократии. Партийная система вырвала человека

из системы его социальных взаимосвязей и лишила его корней. В этих условиях человек, по мнению Салазара, обладал идентичностью, но не существовал в полном смысле этого слова. “Всякая политическая сила,... действительно представляющая подлинные интересы людей, должна основываться на организации, являющейся не только политической, но и социальной, на организацию сословий и классов”, утверждал Салазар.

В своём обращении в адрес Второго Съезда Партии Католического Центра, состоявшегося в столице Португалии – Лиссабоне - Салазар подчёркивал:

“В нашем политическом и социальном развитии мы приближаемся к наступлению момента, когда политическая партия, опирающаяся на отдельно взятого индивидуума, гражданина или избирателя, лишится достаточного обоснования своего существования. Человек, находящийся в изоляции, является абстракцией, фикцией, созданной главным образом под влиянием ошибочных принципов, нашедших широкое распространение в прошлом столетии”.

По мнению Салазара, в сложившихся условиях парламентские фракции определяли курс государственного корабля по собственному разумению и в собственных интересах, нисколько не интересуясь мнением народных масс на этот счёт. Поэтому он считал необходимым, чтобы конституция опиралась на некие незыблемые и неизменные принципы. В противном случае государству, по его глубочайшему убеждению, грозила постоянная нестабильность.

В одной из своих речей, произнесённой в 1924 году в городе Брага, профессор Салазар отверг и осудил идеи классовой борьбы. По его мнению, иерархия на промышленном предприятии полностью соответствовала реальному неравенству между людьми, существующему в повседневной жизни, хотя люди этого или не хотят. Способность к изобретательству, организационные способности, умение руководить людьми и реально выполнять задуманное являлись для него абсолютно необходимыми факторами материального производства. Капитал

он подразделял на “эгоистический” и “жертвенный” (готовый к самопожертвованию).

По его мнению, эгоистический капитал был занят прежде всего удовлетворением естественных и искусственных потребностей, то есть, непосредственным потреблением. В отличие от эгоистического, жертвенный капитал действовал в интересах обогащения всего народного сообщества. Он зависел от предусмотрительности и готовности нести жертвы. Ради будущего он был готов отказаться от удовлетворения актуальных потребностей. Путём воспитания народа в духе готовности нести жертвы, труда и терпения профессор Салазар желал добиться экономического и социального оздоровления (санации) Португалии.

Год спустя он заявил в Коимбре:

“Отсутствие последовательной политической воли властей предержащих, выражющееся в постоянных переменах курса и уступках различным политическим силам, представляет собой крайнюю опасность для государства, угрожая как основным принципам, положенным в его основу, так и конституции. Необходимая для всякого государства стабильность может быть обеспечена лишь двумя путями. Либо государство должно дистанцироваться от колебаний общественного мнения (что, однако, означало бы отказ от собственной позиции), либо оно должно добиться выработки стабильного и постоянного общественного мнения в отношении наиболее существенной части государственной доктрины”.

17 апреля 1925 года португальская армия попыталась совершить военный путч против стремительно деградировавшей республики. Но эта попытка переворота оказалась неудачной. В ходе судебного разбирательства по делу организаторов путча государственный обвинитель (!) генерал Кармона, бывший военный министр (!) потребовал оправдания обвиняемых, заявив:

“Если мы рассматриваем в качестве источника зла, от которого страдает наша безцельно блуждающая в потёмках страна,

этих мужей, являющихся образцовыми гражданами своей страны, и клеймим их как уголовных преступников, значит, что-то у нас в стране не так. Значит, наша страна больна“.

Вскоре после завершения процесса над путчистами группа офицеров португальской армии объединилась вокруг патриотически настроенного генерала Гомиша да Кошты – ветерана колониальных войн и бывшего Верховного Главнокомандующего португальскими вооруженными силами в годы Великой (Первой мировой) войны. Заговорщики были исполнены решимости нормализовать национальную жизнь, реформировать государство и сформировать с этой целью на период до новых парламентских выборов состоящую как из военных, так и из гражданских деятелей жунту (совет).

В последний бюджетный год Португальской республики было официально заявлено о дефиците в размере 63 665 миллионов эскудо (ишкуду). В действительности дефицит, однако, был в пять раз больше. Португалия оказалась на пороге навязанного ей Лигой Наций международного финансового контроля. Стоимость жизни возросла в 30 раз по сравнению с 1914 годом. По сравнению с 1891 годом стоимость единицы португальской национальной валюты - эскудо - снизилась в 33 раза. Объем кредитов, взятых Португалией за рубежом, начиная с 1919 года, вырос с 87,767 миллионов до 791 024 миллионов эскудо. Начиная с 1910 года в Португалии сменились 9 президентов, 3 диктатора и 44 правительства. За это же время в стране произошло 25 вооруженных восстаний, мятежей и попыток государственного переворота. С 1920 по 1925 год было совершено не менее 325 покушений на государственных чиновников и политических деятелей с применением бомб (не считая прочих “менее серьёзных”, когда террористы ограничивались применением кинжалов, револьверов и винтовок).

28 мая 1926 года генерал-патриот Гомиш да Кошта обратился к нации с воззванием следующего содержания:

“Мужи Португалии! Современное положение нашей страны является невыносимым для всех честных и порядочных людей!

Преисполненная стыда нация, жертва коррумпированного и тиранического меньшинства, думает, что настал час её гибели. Но я открыто объявляю, что поднимаю восстание. Я призываю всех храбрых и гордых мужей нашей страны, готовых победить или умереть, взять в руки оружие и присоединиться ко мне. К оружию, Португалия!“

Поскольку Гомишу да Коште никто не оказал сопротивления, он обратился к народу с очередным возвзванием:

“Нация желает иметь сильное правительство, миссия которого должна заключаться в спасении Отечества и которое объединяет все силы, но лишь для того, чтобы в нужное время восстановить истинно национальное и представительное единство – не республику политических банд, а государство, которое заботилось бы об истинных интересах нации, жизненно важных и перманентных интересах Португалии... Находясь во главе португальской армии, объединённой единым патриотическим порывом, я провозглашаю главенство национальных интересов и противопоставляю его безчестному поведению политиков и партий. Я передам эту большую страну правительству, способному выступить против внутренних врагов с тем же самым боевым героизмом, который она проявила в борьбе с врагами внешними”.

12 июня 1926 года профессор Салазар прибыл в Лиссабон. Генерал Гомиши да Кошта предложил ему пост министра финансов. Но оказалось, что, несмотря на высокопарные заявления жунты, ей не хватало внутреннего единства, ибо вошедшие в неё офицеры по-прежнему являлись, прежде всего, представителями различных политических лагерей и стремились проводить в жизнь узко-партийные интересы. По прошествии всего 5 дней с момента своего назначения Салазар ушёл в отставку, ибо жунта отказалась удовлетворить выдвинутые им требования предоставления ему абсолютного контроля над расходами, сокращения государственных расходов и права голоса по всем финансовым вопросам.

Уже в июле 1926 года глава жунты генерал Гомиш да Кошта был свергнут одним из своих ближайших соратников - генералом Кампушем. Безысходность и угроза со стороны постоянно усилившимся левых сил неуклонно нарастали. В конце 1927 года государственный долг Португалии возрос до 7 449 миллионов эскудо (в 1910 году он составлял 692 миллиона). Треть из этих 7 449 миллионов составляли краткосрочные кредиты. Суммарный дефицит государственного бюджета, начиная с 1917 года, составил 2 574 миллиона эскудо.

28 марта 1927 года Салазар выступил с речью о двух формах экономики. В рамках одной из них, по его мнению, в качестве конечной цели рассматривался финансовый успех, в рамках другой презиралось богатство, а бедность считалась добродетелью. Профессор Салазар считал оба подхода нездоровыми, ибо людей, по его мнению, портили и разлагали неправильное поведение и неумеренное потребление, а не производство как таковое.

Он считал необходимым добиваться благосостояния путем упорного труда, регулирования потребления на основе моральных принципов, а также путём физического и интеллектуального развития. Важное место в рамках его системы ценностей отводилось разумной экономии и самоограничению в области потребления и производства, и необходимости создания потребительской морали. Салазар указывал на ошибочность представлений, господствовавших в общественном мнении, критиковавшем тяжесть налогового бремени, но оставлявшем без внимания неправильную политику в области государственных расходов.

Салазар подчёркивал - поскольку общественное мнение ничего не говорит о частном потреблении, люди полагают, что могут распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению. Результатом этого положения является неразумное потребление. В описываемое время Салазар мечтал о подготовке возрождении Португалии через создание разумной и чёткой экономической инфраструктуры. В его системе не было

места для роскоши и “сладкой жизни”, но предусматривались гарантии основ жизненного существования (“безопасность, хлеб и работа для всех”).

Чтобы положить конец периоду политической нестабильности, 25 марта 1928 года президентом Португалии сроком на 7 лет был избран генерал Кармона. Новый глава государства совершенно ясно представлял себе, что страна всё ещё находилась в критическом положении. Он принял решение вновь назначить Салазара министром финансов, выполнив при этом все его далеко идущие требования. Дуарту Пашеку, вскоре назначенному министром общественных работ, было поручено нанести колеблющемуся интеллектуалу визит в Коимбру и убедить его принять предложение президента.

27 апреля 1928 года профессор Антониу ди Оливейра Салазар вновь был назначен министром финансов Португалии. При вступлении в должность Салазар заявил, что рассматривает данное ему поручение как выполнение долга перед собственной совестью и как жертву, которую он считает себя обязанным безоговорочно принести на алтарь Отечества. Его условия были достаточно жёсткими. Каждое министерство должно было дать обязательство работать строго в рамках средств, отпущенных ему министерством финансов в рамках бюджета. Всякое важное финансово-политическое решение того или иного министерства или ведомства должно было непременно оговариваться с министром финансов.

В случае любого увеличения текущих или обычных расходов, равно как и в области кредитной политики, Салазар оговорил для себя, как министра финансов, право вето. Все министерства были обязаны сотрудничать с министерством финансов в направлении жесточайшего режима экономии и взыскания дебиторской задолженности. Салазар говорил:

“Мне хорошо известно, чего я хочу и к чему я стремлюсь. Однако я не принуждаю никого к достижению поставленной цели непременно за несколько месяцев. В остальном – дайте стране возможность учиться, выдвигать возражения и вести

дискуссии. Но когда для меня настанет время давать указания, я буду ожидать от вас послушания”.

11 мая 1928 года Салазар издал свой знаменитый Декрет о финансах. По этому декрету правительство было обязано представлять общий бюджет, покрытый обычными доходами. Вообще-то подобное требование было совершенно нормальным – но не в Португалии. Для Португалии (во всяком случае, республиканской) оно являлось совершенно революционным. Салазар потребовал строгого ограничения займов на выполнение экстраординарных задач и контроля над выплатой надбавок за выполненные работы. Главы министерств и ведомств отныне несли уголовную ответственность за превышение бюджета. Прекращалось государственное финансирование частных предприятий, независимо от правовой формы. Уменьшались и упрощались косвенные налоги. Государственный бюджет не должен был нести чрезмерных расходов на поддержание колониальных владений. Самоуправляющиеся корпорации, местные органы власти и колонии должны были привести свои расходы в соответствие с доходами.

Профессор Салазар, не мешкая, взялся за дело. Внешний долг страны, который должен был выплачиваться в твердой валюте, был преобразован в консолидированный заём в национальной валюте - эスクдо. Налоги стали рассчитываться, исходя не из фактической, а из усреднённой прибыли. Государственная сберегательная касса “Каикса Жерал ди Депоситуш”, опустошённая республиканскими властями на 99%, была реорганизована. Впредь правительство не могло использовать на свои цели сумму, превышающую 22% от объёма вложений в “Каикса Жерал ди Депоситуш”. Касса была наделена полномочиями выписывать долговые обязательства. К 1934 году её добровольные вклады возросли (в пересчёте на британскую валюту) на 8,5 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, Салазар учредил ещё два новых кредитных учреждения - Национальную Кредитную Кассу (“Каикса Нашьонал ди Кредиту”) и “Каикса Нашьонал ди Превиденсия”.

В том же самом году началось осуществление государственной программы увеличения производства пшеницы. Всего за несколько лет Португалия смогла полностью обеспечивать себя зерном и начать экспорт зерна за рубеж (за 10 лет производство зерна увеличилось на 71%). Не менее успешно реализовались программы производства других видов аграрной экспортной продукции, развитие которых осуществлялось под контролем специальных комиссий. К 1933 году 200 000 не обрабатываемых полей были включены в сельскохозяйственное производство. В конце 1934 года были выплачены все краткосрочные внешние кредиты. Благодаря увеличению государственного золотого запаса удалось обеспечить полное покрытие трети находившейся в обращении денежной массы. Началось накопление валютных резервов, поскольку, вследствие роста доверия отечественных финансистов к португальскому государству, уменьшилась потребность в зарубежных кредитах.

К концу 30-х годов объём банковских вкладов в Португалии более чем утроился. Заработанные избыточные финансовые средства направлялись главным образом на создание и развитие экономической инфраструктуры. В 1935 году число зарегистрированных безработных в Португалии составляло всего лишь 42 000. Если в предыдущем десятилетии почти миллион португальцев эмигрировал из страны, то в 1935 году число эмигрантов составило всего лишь 9000 человек. Правда, уровень жизни португальского народа был ниже, чем в странах Западной Европы, но все португальцы получили хлеб и работу. Никто больше не голодал и не стоял в очередях на бирже труда. В 1936 году в Португалии было начато осуществление комплексной программы развития национальной обороны, средств связи, транспорта, колоний, воспитания, образования и других сфер государственной жизни. Конечной целью было объявлено создание необходимой экономической инфраструктуры для индустриализации. Так, например, в период между 1927 и 1937 гг. были реконструированы 5600 километров дорог первого и второго разряда и проложено 16 000 километров новых дорог.

Медленная, но методичная реализация предложенной Салазаром модели финансового оздоровления, экономического развития и национального воспитания нуждалась в политических гарантиях. С этой целью 30 июля 1930 года было основано Движение Национального Объединения – “Национальный Союз (Унион Нашьонал)”. Салазар задумал этот союз не как партию, а как сообщество по интересам, призванное объединить в своих рядах все слои португальского общества и покончить с расколом нации по партийно-политическому и классовому принципу. Являясь фактором воспитания народа, союз был призван распространять корпоративную идею и служить делу национальной интеграции. В своих выступлениях на сессиях “Национального Союза” как до, так и после своей убедительной победы на выборах, новый премьер-министр Португалии критиковал как безумную, безудержную веру в прогресс и стремление к скорейшему построению “светлого будущего”, без учёта прошлого и уважения к настоящему, так и слепой консерватизм, враждебный всякой идее прогресса. Он был убеждён в необходимости найти некий третий путь между этими двумя крайностями, некую комбинацию – разумное сочетание лучших черт прошлого с требованиями будущего или, хотя бы, настоящего.

19 марта 1933 года Салазар, после публичного обсуждения, представил проект новой португальской конституции – Основного закона “Нового Государства” (“Иштаду Нову”) - на всенародный референдум. Несмотря на утверждения представителей оппозиции о якобы имевшей место фальсификации его результатов “Национальным Союзом”, подлинные итоги референдума выглядели следующим образом: 719 384 избирателей проголосовали на “Новое Государство” Салазара, 5 955 проголосовали против, а 488 840 воздержались от участия в голосовании. К участию в референдуме были допущены большинство избирателей-мужчин, женщин с высшим образованием и незамужних женщин-глав семейств. Избиратели голосовали только за весь избирательный пакет целиком (то есть, только за прин-

ципиальное согласие или несогласие с идеей новой конституции), при отсутствии альтернативных вариантов.

Под “Новым Государством” подразумевалась сословная (корпоративная) система. “Новое Государство” Салазара было призвано представлять весь народ в целом и служить интересам всех граждан, вносящих в жизнь государства свой вклад в форме семейной жизни, профессиональной деятельности и деятельности в рамках органов общественного самоуправления. Нация рассматривалась в качестве одной большой семьи, призванной добиваться поставленных целей и регулировать конфликты “за общим семейным круглым столом”. В качестве основы национальной жизни постулировалось взаимное политическое доверие, при чём предусматривалась и возможность для отклонений от общего “генерального курса”.

Народ должен был быть организован не по партийному, а по корпоративному (сословному) принципу. При этом под “сословиями” (корпорациями) понимались не наследственные, не равные перед законом и обладавшие разными правами и обязанностями группы людей (то есть не “сословия” типа дворянства, духовенства, бургерства и крестьянства средневековой Западной Европы), а группы граждан, объединённых по профессиональному признаку. Корпорации португальского “Нового Государства” являлись профессиональными объединениями, однако членство в них было не обязательно-принудительным, а сугубо добровольным. Из своих рядов корпорации избирали представителей в общую Корпоративную (Сословную) Палату. Её члены, работавшие в специальных комитетах, проверяли законопроекты.

Наряду с Корпоративной (Сословной) палатой существовало также избиравшееся всенародно, прямым голосованием, Национальное Собрание, состоявшее из 130 депутатов. Кандидатам от оппозиции надлежало самим организовывать и финансировать свою предвыборную кампанию, в то время как сторонники правительства могли рассчитывать в этих вопросах на поддержку Национального Союза. Официально в отно-

шении оппозиционных кандидатов в последний месяц перед выборами не применялось никаких ограничений, хотя в действительности имели место случаи цензуры и запрета на проведение предвыборных собраний. К тому же национальное радио находилось под контролем государства; государство, в ряде случаев, оказывало давление на владельцев конференц-залов. Первоначально право избирать и быть избранным получили лишь граждане, обладавшие минимальным образованием и доходом, вследствие чего половина взрослого населения страны и большинство португальских женщин десятилетиями не могли воспользоваться этим конституционным правом.

Являясь коллективным органом, состоявшим из специалистов в разных областях, Корпоративная Палата носила совещательный характер, в то время как Национальное Собрание являлось органом законодательной власти. Каждый депутат последнего обладал правом законодательной инициативы. Национальное Собрание было вправе отправлять законопроекты на доработку и даже отклонять их. Однако оно заседало лишь 3 месяца в году. Кабинет министров (правительство) издавал законы в форме декретов, осуществляя детальную проработку законопроектов и, соответственно, также обладал правом законодательной инициативы.

Вопросы государственных расходов и доходов относились всецело к компетенции правительства. Если оно вносило законопроекты в период сессии Национального Собрания, принятие этих законопроектов в качестве законов зависело от того, будут ли ониratифицированы Национальным Собранием. Все законопроекты нуждались в одобрении президента страны. Если президент отклонял законопроект, последний мог быть принят в качестве закона, если за его принятие высказывались две трети депутатов Национального Собрания.

Правительство было ответственным перед главой государства и, тем самым, перед нацией. Президент избирался в ходе прямого открытого голосования сроком на 7 лет. Его кандидатура предлагалась Государственным Советом, в состав которо-

го входили премьер-министр, президенты (председатели) Национального Собрания и Корпоративной Палаты, председатель Верховного Суда, государственный казначей и 5 заслуженных государственных деятелей. Последние, в свою очередь, назначались пожизненно президентом страны. Он назначал главу правительства (премьер-министра) и министров (членов правительства). До созыва Национального Собрания, его распуска и переноса его сессий на иной срок и по всем вопросам, связанным с введением, продлением и отменой в стране чрезвычайного положения, президент страны был обязан консультироваться с Государственным Советом.

Гражданин существовал в качестве члена группы, а не в качестве индивидуума. В соответствии с этим он обладал конкретными правами в семье, профессиональной жизни (по месту работы) и общине (коммуне, муниципалитете) по месту проживания. На местном (коммунальном) уровне правом избирать совет округа были облечены лишь главы семейств. Совет каждого округа имел один корпоративный голос в совете общин и провинций. Свобода слова и собраний предусматривались конституцией Нового Государства, но ограничивались, чтобы избежать извращения общественного мнения, являвшегося, по определению, социальной силой. Собственность, капитал и труд также подчинялись законодательным нормам. Забастовки и локаут были запрещены. Кустари и мелкие производители находились под защитой закона.

Государственные чиновники могли быть уволены в случае нарушения ими положений конституции или отказа работать на достижение целей, поставленных государством. Церковь была по-прежнему отделена от государства. Конфискованная республиканцами у церкви недвижимость и движимость не былаозвращена прежним владельцам. Клиру пришлось по-прежнему финансировать свою деятельность за счёт доброхотных даяний или собственных средств и не вмешиваться в политику.

27 сентября 1933 года в Португалии был принят Национальный Трудовой Устав (Статут). Он предписывал упорядо-

чение производства в интересах и на благо нации, для чего требовалось обеспечение трудовой дисциплины и рационализации труда. Повышение жизненного уровня работников и укрепление народного хозяйства должны были осуществляться параллельно и одновременно. Частное предпринимательство рассматривалось в качестве основной движущей силы социального и экономического прогресса. Государство осуществляло координацию экономической жизни в рамках разработанных с этой целью генеральных планов, обеспечивая равновесие интересов капитала и труда, а также производства и потребления, стараясь не допускать перекосов в ту или иную сторону. Частная собственность не должна была вступать в противоречие с правами других людей и с общественным благом. Руководство предприятиями осуществлялось работодателями, которые могли, на добровольной основе, допускать работников к участию в производственном контроле и в прибылях. В кризисных экономических ситуациях руководство предприятий было обязано сотрудничать с государством в вопросах обеспечения занятости.

Каждый гражданин португальского Нового Государства имел право на труд и на “заработную плату, достойную его и его семьи”. Размер оплаты труда определялся в ходе как индивидуальных, так и коллективных трудовых переговоров. В рамках Национального Трудового Устава вводились нормирование труда, один обязательный выходной день в неделю, надбавки за сверхурочные и работу в ночное время и в выходные дни, а также ежегодный оплачиваемый отпуск. Синдикаты, или, по-португальски, “синдикатуш” (профсоюзы), объединявшие в своих рядах лиц наёмного труда, ежегодно вели отраслевые тарифные переговоры с коллективными органами (“гримиуш”) предпринимателей, то есть союзами (объединениями) работодателей, заключая, в результате этих переговоров, отраслевые тарифные договоры (соглашения). Последние санкционировались общенациональной корпорацией и одобрялись правительством.

Общенациональная корпорация включала все организации работников в своей сфере и контролировала их деятельность. “Синдикатуш” и “гримиуш” объединялись в профессиональные группы, каждая из которых специализировалась в определённой сфере трудовой жизни. Объединявшие эти группы в своих рядах централизованные организации представляли интересы “синдикатуш” и “гримиуш” перед различными аффилированными профессиональными группами. В качестве общенациональной корпорации, централизованная организация избирала своих представителей в Корпоративную Палату. “Синдикатуш” и “гримиуш”, предусмотренные Национальным Трудовым Уставом португальского Нового Государства, являлись юридическими лицами, не зависимыми от государства - в отличие от корпораций в фашистской Италии 1922-1943 гг. и во взявшей себе за образец итальянскую модель “австрофашистской” Австрии 1934-1938 гг., также считавшихся “сословными (корпоративными)” государствами.

Поэтому принятное в СССР обозначение установленного Салазаром в Португалии режима как “фашистского” не выделяет никакой критики (не говоря уже о том, что национал-синдикалистские организации фашистского типа преследовались и запрещались Салазаром). Кроме того, в португальском Новом Государстве существовали также централизованные организации, представлявшие интересы не экономических структур – церкви, военнослужащих, юристов, судей, коммунальных (муниципальных) служащих, работников сферы управления, университетов, музыкантов, деятелей изобразительного и сценического искусства, на равных с “синдикатуш” и “гримиуш”, а также с Национальным Олимпийским Комитетом входивших в Корпоративную Палату.

В качестве социальных (общественных) групп, состоявших из “моральных (нравственных) личностей”, они были призваны пронизать все поры общественного организма, включая правительство и законодательный корпус, изменив их в духе целей Нового Государства. В качестве инструмента координа-

ции этих интересов различных групп общества, объединённых общими целями, выступало государство. Интересы производства должны были служить экономическому целому, духовным целям и благу всей нации. Салазар неустанно подчёркивал, что руководит авторитарным, а не тоталитарным государством. Профсоюзы и союзы работодателей обладали исключительным правом представлять в рамках отрасли интересы своих членов и не членов.

Для решения тарифных вопросов были учреждены суды по трудовым спорам, подчинённые Национальному Институту Труда и Социальной Благотворительности. Наряду с государственными социальными программами существовали социальные программы отраслевых профсоюзов, а также программы в области здравоохранения, жилищного строительства и социального страхования, осуществляемые союзами работодателей. “Дома Труда” (“касаш ду пову”) и “Дома Рыбаков” (“касаш ду пискадориш”) гарантировали обеспечение социальных и трудовых прав, соответственно, сельскохозяйственных рабочих и рыбаков.

Правда, поставленная Салазаром цель – учредить в каждой сельской общине (коммуне), при поддержке землевладельцев, местной администрации и государственных органов, такой “Дом” -, так и не была достигнута. Различие в уровне жизни и социальные контрасты между городом и селом сохранились, хотя и не в столь резкой форме, как до учреждения Нового Государства. Корпоративная система Салазара была несовершенной изначально. Работники самых разных отраслей экономической, государственной и культурной жизни создавали организации для представительства собственных интересов, которые, однако, зачастую, не объединялись в общенациональные корпорации. В результате большинство членов Корпоративной Палаты не избирались, а назначались.

Тайная полиция, цензура средств массовой информации (в описываемое время – главным образом, прессы) и воздействие на избирательный процесс заставили замолчать португальскую

оппозицию. Было необходимо могучим усилием вытащить деградировавшую страну из экономической трясины. Период жёсткого контроля, задуманный как чисто временная, переходная мера, затянулся на долгие годы и даже десятилетия. Закон допускал арест нежелательных элементов на срок до 6 месяцев без судебного разбирательства. В случае отбытия осуждённым срока тюремного заключения, определённого судом, суд мог приговорить его к пребыванию под надзором полиции сроком до 3 лет. Обвиняемых могли приговорить и к ссылке в заморские португальские колонии - Тимор или в пользовавшийся дурной славой лагерь Таррафал на островах Зелёного Мыса (Кабу Верди).

Оппозиция оказалась не способной к организованному противостоянию правящему режиму. Тем не менее, открыто высказывавшиеся оппозицией, а также Корпоративной Палатой мнения нередко носили остро критический характер и оказывали заметное влияние на правительственные решения. Нехваткой одарённых политиков страдал и “Национальный Союз”. Государственные чиновники и даже члены правительства оплачивались столь скромно (сам профессор Салазар, к концу жизни, скопил всего навсего 3000 фунтов стерлингов наличными), что талантливая молодёжь предпочитала идти не на государственную службу, а в частный сектор экономики. Тем не менее, 17 декабря 1934 года 80% португальских избирателей проголосовали за избирательный список “Национального Союза”. Все избранные члены Национального Собрания были членами “Национального Союза”.

Одной из наиболее характерных черт профессора Салазара была его безкомпромиссная враждебность воинствующему коммунизму, не приемлемому для него вследствие откровенного антиклерикализма и антигуманизма коммунистической идеологии. Когда Советский Союз 17 сентября 1934 года по настоянию Франции (и вопреки сопротивлению Португалии и других государств) был принят в Лигу Наций (аналог нынешней Организации Объединённых Наций), Салазар предсказал,

что это приведёт к неизбежному росту во всем міре влияния социалистических и интернационалистских идеологий. Он заявил, что либеральный Запад тем самым фактически выталкивает инакомыслящие государства из рядов Лиги Наций. Его опасения вскоре оправдались.

VII Всемірный Конгресс Коминтерна (основанного Ленинским и Троцким Третьего, или Коммунистического, Интернационала), собравшийся в красной Москве – столице “Отечества пролетариев всего міра” – в июле 1935 года, принял решение о необходимости “революционизировать Иберийский полуостров”. На деньги, награбленные большевиками в России, день ото дня усиливалась испанская коммунистическая партия. Из красной Москвы звучали открытые призывы к созданию “Союза Советских Иберийских республик” (УРСИ), в состав которого Коминтерн планировал включить, кроме собственно Испании, также Португалию, а заодно и Испанское Марокко.

В 1936 году вышел в свет фундаментальный труд профессора Салазара “Доктрина и действие”. В нем было, между прочим, чётко проведено различие между португальским Новым Государством, с одной стороны, и итальянским фашизмом и германским национал-социализмом – с другой. Салазар подчёркивал уникальный характер своего Нового Государства, всецело объяснявшийся им особенностями исторического пути, экономического развития и географического положения Португалии. Он писал, в частности:

“Мы против любой формы интернационализма, коммунизма, социализма, синдикализма и всего, что могло бы разделить, принизить или разрушить семью. Мы против классовой борьбы, неверия, неверности своей стране, против рабства, против материалистического восприятия истории и против представления, что сила выше права... Мы – антипарламентаристы, антидемократы и антилибералы, и мы полны решимости построить корпоративное государство. Возможно, эти утверждения шокируют нации, привыкшие к попыткам исправить недостатки своих политических систем при помощи улучшения социаль-

ных условий. Самым ценным в тех учреждениях, которые мы ходим создать, в наших глазах является то, что они должны стать настолько португальскими, насколько это возможно”.

В своём труде профессор Салазар признавал некоторое сходство португальского Нового Государства с фашистской Италией, но при этом неизменно подчёркивал, что в Португалии используются иные методы обновления национальной, государственной, общественной и экономической жизни. Конституция Нового Государства “отвергает всё то, что прямым или косвенным образом проистекает из тоталитарных идей, ибо последние несовместимы с его целями. Оно (Новое Государство – В.А) начинается с формулирования принципов и взгляда на справедливость как на что-то, находящееся за пределами его собственного суверенитета (то есть, Новое Государство, по замыслу его отца-основателя, в отличие от тоталитарных режимов, изначально отказывалось от монополии на истину и справедливость – В.А.). Справедливость обязывает государство уважать естественные права индивидуумов, семей, корпораций, а также местных, автономных органов самоуправления. Она доверяет родителям и их представителям дело обучения и воспитания детей. Она гарантирует добрые отношения между собственностью, капиталом и трудом”.

Салазар отвергал “языческий цезаризм” дуче (вождя) итальянского фашизма Бенито Муссолини, а также “вождистское” государство фюрера НСДАП Адольфа Гитлера, не ограниченное, с его точки зрения, никакими рамками закона или морали. Дистанцироваться от Муссолини профессора Салазара вынуждали всё более тесные контакты дуче итальянского фашизма с Гитлером (всегда остававшимися непонятным и подозрительным для Салазара, не допускавшего проникновения в Португалию национал-социалистических идей; злые языки объясняли это происхождением профессора от “новых христиан”, как именовались в Португалии иудеи, перешедшие в христианство в ходе или после завершения Реконкисты - впрочем, в том же самом “расовом грехе” иные не в меру рьяные ревнители

“чистоты арийской крови” обвиняли впоследствии и вождя испанских националистов генерала Франсиско Франко!), но в особенности – нападение фашистской Италии на Абиссинию (Эфиопию) в 1935 году, чреватое конфликтом с Англией – традиционным политико-экономическим партнёром и союзником Португалии. Как писал Салазар:

“Несмотря на то, что фашизм и национал-социализм отличаются от коммунизма своими экономическими целями и идеалами, они, тем не менее, сходятся с ним в представлениях о тоталитарном государстве. В обоих случаях государством является партия, целям которой подчинена вся деятельность граждан, и человек существует лишь ради славы и величия партии”.

Кроме того, Салазар в своей книге подверг критике расовое законодательство гитлеровской Германии, низводившее, по его мнению, лиц, не являвшихся гражданами Германской Державы, до уровня “людей второго сорта”. При этом, разумеется, следует учитывать, что традиционное португальское представление о “нации” носит скорее культурный, чем расовый характер (наглядным примером чего является Бразилия).

В июле 1936 года в Испании вспыхнула ярким пламенем давно уже тлевшая там Гражданская война – прелюдия Второй мировой (Европейской Гражданской) войны 1939-1945 гг. По понятным причинам, профессор Салазар никак не желал победы испанских республиканцев (масонов, социалистов, коммунистов, анархистов, во всяком случае – левых). Он никак не желал создания, по воле Коминтерна, Союза Советских Иберийских республик. Не желал Салазар и “балканизации” Иберийского полуострова, или, иначе говоря, распада единого испанского государства. Его идеалом была сильная, единая, централизованная Испания, объединённая с Португалией в рамках прочного стратегического партнерства.

Салазар хорошо понимал, что вождь испанских националистов каудильо (вождь) Франсиско Франко, воспользовавшись военной помощью держав “Оси Берлин-Рим” (гитлеровской Германии и фашистской Италии), ради победы над республи-

канцами, вряд ли из чувства благодарности превратится после победы в покорного вассала держав “Оси”. А вот военное поражение возглавляемых генералом Франко испанских националистов всецело предало бы Испанию во власть коммунистов, а на деле – во власть Советского Союза, оплота тогдашнего “глобализма”, или, выражаясь современным языком, “мондализма”, нисколько не скрывавшего своих планов установления мирового господства (слегка замаскированных “фиговым листком” пресловутой “Мірової революції” - не зря на гербе СССР большевицкий серп и молот были “ненавязчиво” наложены на весь земной шар!).

Установление власти красных в Испании могло бы открыть ворота для коммунистического вторжения в Европу с востока и с запада. Вскоре каудильо проинформировал Лиссабон о своих политических целях, сформулировав их следующим образом: полное взаимопонимание с Португалией, сотрудничество с Англией, политическая независимость Испании от стран “Оси”, возврат Риму и Берлину долгов за военную помощь не военными, а экономическими средствами.

В ходе надвигавшейся со всей очевидностью большой общеевропейской (а то и міровой) войны Англии в планах Салазара отводилась роль державы, способной помочь Португалии вооружиться и обеспечить её безопасность (что было и в английских интересах, поскольку Португалия традиционно играла и продолжала играть при Салазаре жизненно важную роль в деле обеспечения морских коммуникаций “бульдожьей Британии”, связывавших “туманный Альбион” с многочисленными британскими колониями и доминионами).

Иберийские страны, придерживающиеся западноевропейской ориентации, были способны обеспечить связь Англии с Ближним Востоком и Африкой даже в случае утраты британцами Египта. В этом плане Салазар полностью осознавал важность своих позиций в глазах англичан и потому позволял себе весьма резко реагировать на любые попытки Лондона пренебрежительно третировать Португалию, как “бедного родствен-

ника”, неустанно подчёркивая, что Португалия – не британская колония и не британский протекторат, а суверенное государство, имеющее полное право проводить, хотя и в рамках союза с Англией, самостоятельную национальную политику, диктуемую её собственными интересами.

1 августа 1936 года профессор Салазар официально заявил о своей поддержке испанских националистов генерала Франко и о готовности Португалии к интервенции в Испанию. В ходе Гражданской войны 1936-1939 гг. в Испании на стороне испанских националистов сражались против красных 20 000 португальских волонтёров – бойцов добровольческого легиона “Вириатуш” (названного в честь Вириата, героя борьбы древних предков португальцев - лузитанов - против римских завоевателей). Международная левая пресса распускала о португальских волонтёрах в Испании всевозможные клеветнические сплетни (о том, что они, якобы, за один день расстреляли из пулемётов на арене для корриды освобождённого от красных испанского города Бадахоса 2000 пленных испанских республиканцев, и т.д.), но все эти нелепые обвинения были высосаны из пальца.

В столице Португалии Лиссабоне (который испанские франкисты с полным на то основанием называли “портом Кастилии”) почти безпрепятственно функционировал центр снабжения испанских националистов оружием германского производства. Официальные португальские власти почти не чинили ему препятствий. Поддержка, оказываемая Салазаром испанским франкистам, и проводившаяся португальцами тактика сдерживания всех действий Международного комитета по невмешательству (в испанские дела) привели к заметному охлаждению отношений между Португалией и Францией, активно поддерживавшей испанских республиканцев (между прочим, и в рамках масонской солидарности). После подавления инспирированного левыми силами мятежа матросов португальского военно-морского флота, профессор Салазар 9 ноября 1936 года выступил со своим имевшим широкий международный резонанс заявлением, в котором назвал Гражданскую войну в

Испании “международным конфликтом на национальном поле боя”, подчеркнув, что “объявляет генеральное наступление на коммунизм”.

10 ноября 1936 года все военнослужащие и государственные чиновники Португалии были приведены к присяге на верность Новому Государству и дали торжественную клятву бороться против коммунизма. Спустя неделю была начата запись в добровольное ополчение – “Португальский Легион” (не путать с упоминавшимся выше Легионом “Вириатуш”). Эмблемой легиона служил красный лапчатый крест португальского Ордена Христа (прямого преемника Ордена тамплиеров), под знаком которого португальские мореплаватели в свое время закладывали основы заморской Лузитанской империи, простиравшейся некогда от Африки до Бразилии, Индии и Китая. Впоследствии эмблемой “Португальского Легиона” стал зелёный лилиевидный крест средневекового португальского духовно-рыцарского Ордена Эворы (Авишского Ордена Святого Бенедикта, или Сан-Бенто ди Авиш). Этот же зелёный лилиевидный крест был изображен на белом, обрамленном зеленой каймой знамени “Португальского Легиона”.

Несколько ранее, в октябре 1936 года, Новое Государство обрело себе ещё одну опору в лице молодёжной организации “Мошидади Португеса” (МП). В рядах МП осуществлялось воспитание португальской молодёжи в духе беззаветного служения корпоративному сообществу. Члены МП жили в военно-спортивных лагерях, занимались физкультурой, огневой и стрелковой подготовкой, играли на местности, помогали крестьянам вести полевые работы и собирать урожай.

24 октября 1936 года Португалия разорвала дипломатические отношения с Испанской республикой (не спеша, однако, в то же время, с официальным признанием режима националистов генерала Франко). Тем не менее, профессор Салазар постоянно поддерживал тесные контакты с каудильо Франсиско Франко через посредников. Латиноамериканские государства Бразилия, Чили, Аргентина и Перу сообщили Салазару о своей

готовности официально признать хунту Франко после того, как это сделает Португалия. Так впоследствии и произошло. В ноябре 1936 года профессор Антониу ди Оливейра Салазар стал ещё и министром иностранных дел своей страны.

14 октября 1936 года немцы, узнавшие об игнорировании Англией настойчивых просьб Португалии о поставках ей вооружений и военной помощи, предложили Салазару начать военное сотрудничество с гитлеровским Третьим рейхом. Берлин старался всемерно использовать Гражданскую войну в Испании для усиления своих позиций в Португалии за счёт англичан. Третий рейх обладал в описываемое время большой притягательной силой в глазах португальской интеллигенции, оказывая большое влияние на университеты, молодёжное движение, прессу и военных Португалии. Офицеры страшной для левых португальской секретной службы ПИДЕ регулярно проходили курсы повышения квалификации в германских СД и гестапо. В описываемый период в португальском кабинете министров (как, между прочим, и в испанской “Фаланге”) существовала сильная прогерманская фракция.

Англия и Франция оказали на Португалию мощное давление, требуя от неё присоединения к действиям Международной комиссии по невмешательству в гражданскую войну в Испании. Реакция Салазара была весьма резкой. Смысл его ответной ноты сводился к следующему. Члены комиссии по невмешательству (Салазар имел в виду прежде всего Советский Союз, Францию и страны “Оси” – Германию и Италию) сами нарушают соглашение о невмешательстве, вследствие чего межгосударственные соглашения мало что значат. Всё, что происходит на территории Португалии, касается только самих португальцев, и потому португальские власти, исходя из соображений необходимости сохранения национального достоинства, не намерены допускать вмешательства каких-либо иностранных контрольных органов во внутренние дела суверенной португальской державы.

В ходе переговоров с англичанами, которые велись на территории Испании через посредников, Салазар оспорил расхожее представление о том, что в Испании ведётся вооруженная борьба за власть между двумя испанскими партиями, подчеркнув, что в действительности речь идёт о конфликте между Христианской цивилизацией и безбожным красным варвартством. По его глубочайшему убеждению, Испания нуждалась в окончательной победе над наёмниками Коминтерна и твёрдой, решительной руке, которой так долго не хватало этой стране, доведённой либералами до совершенного ничтожества.

В результате англо-португальских переговоров ответственность за контроль над португальско-испанской границей взяли на себя не международные контрольные органы, а британская контрольная комиссия, действовавшая в тесном контакте с местными португальскими властями. Осенью 1937 года Португалии стали известны британские планы удовлетворить растущие аппетиты Гитлера, требовавшего возвращения германских колоний, захваченных Антантой в годы Первой мировой войны (Юго-Западной Африки, Того, Камеруна и Восточной Африки), за счёт африканских колоний других стран Европы, которые вызвали беспокойство португальского правительства. Салазар не без основания опасался, что Лондон, в обмен на сохранение статус-кво в Европе и ограничений на германские вооружения, планирует передать Германии часть бельгийских и португальских колоний в Африке.

28 апреля 1938 года профессор Салазар передал на утверждение Национального Собрания вопрос об официальном признании Национальной Испании генерала Франко в качестве легитимного государства испанского народа. Он безпощадно заклеймил пустой идеализм Лиги Наций, осудил прагматичную силовую политику Гитлера (от подражания которой он ожидал деградации и ужесточения международной политики в целом), подтвердил верность Португалии союзу с Англией и приветствовал визит британской военной миссии в страну.

Португальский диктатор также объявил об официальном признании режима каудильо Франко. Он подчеркнул, что испанские республиканские власти окончательно утратили контроль над страной, попав в полную зависимость от коминтерновских “советников”, и что республиканскому хаосу успешно противостоят закон, порядок и процветание, характерные для Национальной Испании генерала Франко. Никто отныне не может утверждать, подчеркнул Салазар, что территория Национальной Испании находится под контролем генерала-мятежника. Вследствие этого Португалия 11 мая 1938 года признала испанское национальное правительство и усилила свои попытки склонить генерала Франко занять позиции, более приемлемые для держав Западной Европы. С точки зрения Салазара, времени для этого оставалось крайне мало, поскольку, если бы Англия не улучшила свои отношения с Национальной Испанией, дистанцировавшись от французского правительства Национального Фронта (заключившего договор о взаимопомощи со сталинским СССР), испанский “вакуум” могли бы заполнить страны “Оси”, чего Салазар весьма опасался.

Ввиду чрезвычайной обезпокоенности Португалии заключением Мюнхенского соглашения, ознаменовавшего собой начало расчленения Чехословацкой республики (ЧСР) гитлеровской Германией, хортистской Венгрией и панской Польшей, правительство Великобритании 3 октября 1938 года формально гарантировало Португалии защиту её территориальной целостности и независимости. В середине октября Салазар выступил перед Национальным Собранием страны с докладом о международном положении. По его словам, британский премьер-министр Невилл Чемберлен сумел достичь в Мюнхене компромисса между здравым смыслом и необходимостью, хотя при этом ему очень помогли “выдающиеся политические способности вождя итальянской нации” дуче Бенито Муссолини. Сделав исторический экскурс, Салазар подверг резкой критике экономические положения Версальского договора (который Салазар, совсем в духе Адольфа Гитлера, назвал “Версальским дикта-

том’’). Германия, по его словам, никогда бы не смирилась и не смирился впредь с ролью второстепенной державы, на которую её желали бы обречь “отцы Версалья”. Попытки ввергнуть Германию в полное ничтожество лишили бы Европу выдающегося организаторского таланта и способности к упорному труду, во все времена характеризовавших немецкую нацию. Третий рейх обещает немцам новое единство, полную независимость и возврат к былому величию.

Кроме того, Салазар неустанно подчёркивал важность Германии в качестве противовеса растущему влиянию воинствующего Советского Союза, сделавшего ставку на осуществление всемирной большевицкой революции всеми средствами – от пропагандистских и экономических до военных. Начиная с 1933 года великие державы Запада поддались своему отвращению к некоторым аспектам гитлеровского режима и ради этого пошли даже на сотрудничество со своим смертельным врагом - откровенно безбожным Советским Союзом. Тем самым они позволили гитлеровской Германии выставить себя в качестве жертвы и таким образом косвенным образом дали Гитлеру возможность для оправдания своей гонки вооружений перед лицом мирового сообщества.

17 марта 1939 года между Национальной Испанией генерала Франсиско Франко и португальским Новым Государством профессора Антониу ди Оливейры Салазара был заключён так называемый “Иберийский пакт” (“Пакто Иберико”) – договор о дружбе и ненападении сроком на 10 лет (хотя “горячие головы” в стане Франко, поддавшись эйфории в предчувствии близкой победы над испанскими республиканцами, призывали каудильо к захвату Португалии). По этому договору Испания и Португалия гарантировали территориальную целостность и неприкосновенность границ друг друга и обязались не допускать в отношении друг друга никаких агрессивных действий. Они также обязались не оказывать поддержки агрессорам друг против друга и вступить в военный союз против такого агрессора. С учётом традиционного англо-портugальского военно-

политического союза Иберийский пакт обеспечивал надёжную защиту Иберийского полуострова от возможных агрессивных поползновений стран “Оси” (давно уже зарившихся, в частности, на британскую военно-морскую крепость Гибралтар – ключ к Атлантике и к Средиземному морю). Кроме того, Испания и Португалия договорились о совместной борьбе с коммунизмом. Характерно, что Франко присоединился к гитлеровскому “Антикоминтерновскому пакту” лишь после заключения “Иберийского пакта” с Салазаром.

20 мая 1939 года генерал Франко торжественно въехал в Мадрид, украшенный красно-желто-красными флагами испанской монархии. 21 мая каудильо, одетый в армейскую полевую форму цвета хаки, синюю рубашку партии “Испанская Фаланга” и красный берет карлистов - чинов монархической милиции “Рекете”, принял Парад победы 200 000 солдат своей армии, чьи колонны растянулись в марше на 25 километров и шествовали мимо каудильо в течение 5 часов - оркестр, карабинеры, итальянские чёрнорубашечники-“ардити”, танки, бронемашины, пехота и кавалерия итальянского добровольческого корпуса, испанские синерубашечники-фалангисты, карлисты с распятиями вместо знамен, регулярные испанские войска, солдаты “Терсио” (Иностранного легиона), марокканские наёмники, лётчики и танкисты германского Легиона “Кондор” во главе с его командиром генералом фон Рихтгофеном. А замыкали парад воевавшие на стороне Франко португальские добровольцы легиона “Вириатуш”.

22 мая 1939 года профессор Салазар выступил перед португальским Национальным Собранием с речью о завершении Гражданской войны в Испании. В своей речи он, в частности, сказал:

“Испания удалось утопить вирус, угрожавший миру и цивилизации на полуострове, в его собственной крови. Согбенная под тяжким бременем выпавших на её долю страданий, она, погружённая в глубочайшую медитацию, проникла до глубочайших глубин своего бытия, и, почерпнув силу в мыслях о своём

славном прошлом, о своей крови и о своем несгибаемом мужестве, она создаст основы нового политического и социального строя, оказавшись способной заявить от их имени, что она так храбро сражалась, восстав против коммунистического рабства, не для того, чтобы продать свою независимость и свою судьбу каким-либо иным образом. Ныне существует лишь одно ограничение её полной свободы передвижения во внешнем міре – её договор о дружбе с Португалией”.

Победа красных в Испании вызвала бы конфликт интересов у Англии, связанный союзами с Францией и Португалией. Лишь благодаря победе тесно связанной с Португалией Национальной Испании Лондон и Париж могут надеяться улучшить свои отношения с Мадридом и обезпечить свои интересы на Иберийском полуострове. Несмотря на все трения, возникавшие в ходе и вследствие Гражданской войны в Испании, Англия по-прежнему поддерживает с Португалией дружественные отношения сотрудничества и честного партнёрства. Обе страны-союзницы будут и впредь совместно защищать свои общие интересы, но при этом Португалия вне рамок этого союза сохранит полную свободу действий.

Салазар подтвердил безкомпромиссную верность Португалии союзу с Великобританией. Он также не преминул подвергнуть критике выдвигавшиеся Гитлером требования предоставления германскому народу необходимого тому для нормального развития “жизненного пространства” (ареала, “лебенсраума”) как прикрытия стремления к политической гегемонии. По словам Салазара, этнические группы, компактно проживающие за пределами соответствующего национального государства, не должны превращаться в реальные анклавы, ибо подобное являлось бы первым шагом к политическому вторжению на территорию соседних государств.

После начала Второй міровой (Европейской Гражданской) войны 1939-1945 гг. салазаровская Португалия объявила о своём нейтралитете. Франкистская Испания могла положиться на Португалию, обладавшую хорошими контактами с державами

Запада. В свою очередь, Салазар, тыл которого был надёжно прикрыт дружественной Испанией, мог использовать все свои вооружённые силы для защиты заморских территорий Португалии. Подобная расстановка сил имела чрезвычайно важное значение для британцев, ибо отношения Франко с Парижем были, как говорится, “хуже некуда”, вследствие чего летом 1940 года Испания чуть было не вступила в войну с Францией на стороне гитлеровской Германии. Салазар ожидал долгой вооружённой борьбы на континенте, из которой, по его расчётам, победителями должны были выйти все-таки западные союзники.

Португальский мудрец предвидел и вступление в войну США на стороне противников стран “Оси” (хотя его прогноз на этот счёт не разделялся практически никем из глав нейтральных государств). Войну между европейскими державами Салазар рассматривал как огромное несчастье для всей Христианской цивилизации, результатом которого неизбежно стало бы дальнейшее распространение коммунизма – “этого позора человечества”. Пакт, заключённый Адольфом Гитлером с большевистским диктатором Иосифом Сталиным, и совместное нападение армий Гитлера и Сталина на антикоммунистическую и католическую Польшу в сентябре 1939 года нанесли тяжелейший удар по позициям прогерманского лобби в высших слоях португальского общества. Германская пропаганда, утверждавшая, что Германия защищает Иберийский полуостров от коммунизма, утратила свою былую эффективность и убедительность. Салазар публично прославлял “героическую жертвенную борьбу” католической Польши, павшей в неравной схватке, но не покорившейся гитлеровской Германии и сталинскому СССР. Влияние Салазара на решение Франко, удержать Испанию от вступления в мировую войну на стороне держав “Оси” трудно переоценить.

В 1940 году войска Гитлера, оккупировав Францию, двинулись в направлении Пиренеев. Португалия оказалась втянутой в экономическую войну. Западные союзники ограничили импорт своих товаров в Португалию и Испанию, для которых,

несмотря на морскую блокаду европейского побережья, ранее было сделано исключение, чтобы избежать их передачи португальцам и испанцам немцам. Наиболее важное значение для зоны германского влияния в Европе имели осуществлявшиеся через Иберийский полуостров поставки колониальных товаров и нефти. В ходе упорных переговоров Салазару удалось вынудить британцев пойти на целый ряд уступок в отношении Испании и Португалии.

Важное значение для военной экономики обеих противоборствующих в Европейской Гражданской войне 1939-1945 гг. сторон имели португальские вольфрамовые месторождения. Германия и Англия еженедельно платили португальцам по 1 миллиону фунтов стерлингов за этот редкий металл, необходимый для производства высококачественных легированных сталей. В результате в Португалии разразился подлинный вольфрамовый бум. Необходимо заметить, что Португалия, наряду со Швецией и Испанией (чьи запасы вольфрама были незначительными), являлась единственным крупным поставщиком вольфрама в Европе.

Используя данное преимущество, Салазару удалось заставить обе враждующие стороны идти на всё большие экономические уступки в отношении своей страны. Португальское государство скупило все вольфрамовые рудники, продавая их продукцию обеим воюющим сторонам. С лета 1942 года Салазар, однако, начал отдавать предпочтение западным союзникам, поскольку их экономическое превосходство, платежеспособность и шансы на победу в войне становились всё более очевидными. Западные союзники закупили у салазаровской Португалии в общей сложности 15 000 тонн вольфрама по цене, превышающей обычную в 10 раз.

В мае 1943 года в Испанию и Португалию через нейтральную Швейцарию начали поступать транспорты с трофеальным золотом, захваченным национал-социалистическим режимом гитлеровской Германии. Третий рейх перешел к оплате осуществлявшихся странами Иберийского полуострова поставок

продуктов питания и сырья в швейцарских франках, обменивавшихся Испанией и Португалией, в целях стабилизации своих национальных валют, в Берне на золото. При этом Салазар распорядился принимать в качестве платёжного средства даже золотые слитки с клеймом Нидерландского банка. Португалия получила в общей сложности 44 тонны золота в слитках (20% из которых, по статистике, поступили из гитлеровских концентрационных лагерей).

Директива Гитлера № 18 от 12 ноября 1940 года (о захвате Гибралтара) предусматривала, между прочим, также оккупацию Португалии. Однако вследствие просачивания конфиденциальной информации из германских источников, сведения об этих планах фюрера Третьего рейха в конце 1940 года стали известны Лиссабону. Португалия немедленно начала переговоры с англичанами. Англия поставила Салазару необходимое для отражения возможной германской агрессии (операции “Феликс”) вооружение. Салазар укрепил оборону принадлежавших Португалии островов в Атлантическом океане, защищавших морские подступы к побережью страны.

Узнав о серьёзных намерениях США оккупировать в мае 1941 году принадлежавшие Португалии Азорские острова (аналогичным образом англосаксы оккупировали заморские территории Дании - Исландию и Гренландию), Салазар заявил резкий протест и предупредил, что не потерпит присутствия на португальской земле войск западных союзников – во всяком случае, до тех пор, пока страны “Оси Рим-Берлин-Токио”, со своей стороны, уважают португальский суверенитет и территориальную целостность Португалии (японцы, например, даже завладев фактически всем Китаем, так и не покусились на португальскую колонию Макао-Аомынь). При этом Салазар подчеркнул, что нейтральная Португалия служит последним связующим звеном между Европой и Америкой. Он упрекнул американцев в недостатке уважения к независимости других государств. Нарушения нейтралитета Португалии войсками западных союзников в конце 1941 года (Тимор) и в 1943 году (Гоа) сделали позицию Португалии ещё более жёсткой.

Прославившийся своей неуступчивостью ещё в вопросах, связанных с контрольными функциями международной Комиссии по невмешательству, Салазар был, однако, силой обстоятельств вынужден, в конце концов, изменить свою тактику. В июне 1943 года британский министр иностранных дел Энтони Иден изложил пожелание Англии получить право на создание военных баз на принадлежащих Португалии Азорских островах. Переговоры с португальской стороной были долгими и упорными – тем более, что США были близки к принятию решения о захвате островов вооружённой силой (как это было сделано англосаксами с принадлежавшими Дании Исландией и Гренландией).

Салазар, вообще не желавший допускать на острова суходутные силы других государств, предпочитал, в крайнем случае, высадку там англичан, но уж никак не американцев, опасаясь, что последние захотят закрепить своё военное присутствие на Азорах надолго, если не навечно. Соглашение о предоставлении западным союзникам военных баз на Азорских островах было подготовлено к 18 августа и подписано 12 октября 1943 года. Получив базы на Азорах, англо-американцы смогли усилить свой воздушный контроль над Атлантикой. За счёт сокращения транспортных коммуникаций им удалось сэкономить большие объемы авиационного керосина и тоннажа транспортных судов. В то же время охрану Азорских островов от возможного германского вторжения несли не иностранные, а португальские войска.

После очередного раунда сложных переговоров Португалия 5 июня 1944 года, накануне высадки войск западных союзников в Нормандии, заявила о введении эмбарго на поставки вольфрама в гитлеровскую Германию. Бразильский диктатор Житулиу Варгас (Варгаш), коллега Салазара по должности, тем не менее, не уставал упрекать Салазара в том, что немцы убивают бразильских солдат, высадившихся в Италии в составе войск западных союзников, при помощи португальского вольфрама. В августе 1944 года Салазар разорвал дипломатические отно-

шения с дружественным в отношении Германии “Французским государством” маршала Филиппа Петэна (“режимом Виши”).

В то же время, при получении известия о смерти Адольфа Гитлера во взятом советской Красной Армией Берлине, в Португалии (как, кстати, и в Ирландской республике) были в знак траура приспущенны государственные флаги (чего не произошло даже в франкистской Испании!). Салазар предоставил политическое убежище и защиту от мести победителей наследнику французского королевского престола Анри де Франсу (Генриху Французскому), королю Румынии Каролю II Гогенцоллерн-Зигмарингену и венгерскому регенту Миклошу Хорти фон Надьбанью. Видные итальянские фашисты Дино Гранди, Луиджи Федеркони и другие смогли через Португалию бежать в Южную Америку.

После 1945 года профессор Салазар, как и следовало ожидать, был озабочен главным образом повсеместным наступлением коммунизма. Перед лицом расширения зоны коммунистического влияния и неудержимой советизации Восточной Европы он стремился реализовать весь имевшийся у него потенциал сопротивления коммунизму, стремившемуся к уничтожению европейской цивилизации и перешедшему к открытой экспансии в странах “Третьего мира”, и, в частности, в Африке, где располагались основные колониальные владения салазаровской Португалии.

С началом “холодной войны” Португалия безпрепятственно вступила в НАТО (в чём было долго отказано франкистской Испании). На базе успешного довоенного развития с начала 50-х гг. XX века были взяты на вооружение новые программы экономического развития. Процессы, протекавшие в Португалии и в Испании, были во многом аналогичны – режимы, первоначально во многом напоминавшие фашистские, в ходе этих процессов постепенно превращались в “диктатуры, ориентированные на развитие”, что приносило ощутимую пользу колониям. В то же время в колониях (Анголе, Мозамбике, Португальской Гвинее и на Островах Зелёного Мыса) португаль-

ским войскам приходилось вести изнурительную “малую (контрпартизансскую) войну” против марксистских “национально-освободительных движений”, усиленно вооружавшихся и поддерживавшихся Советским Союзом и другими странами “социалистического лагеря” (в первую очередь – кастрровской Кубой и Германской Демократической Республикой, но также маоистским Китаем), что отнимало у Португалии много сил и средств. Индия ещё в 1960 году внезапным ударом захватила индийские колонии Португалии Гоа, Даман и Диу, что Салазар был вынужден оставить без последствий (война с Индией исключалась в силу военных, политических и экономических причин).

Постоянный страх перед угрозой новой дестабилизации Португалии мешал претворению в жизнь идеала профессора Салазара – воспитания нации. В результате внутренняя политика страны по-прежнему находилась в состоянии застоя. Как весьма точно писала британская газета “Обсервер” (“Обозреватель”) 29 августа 1954 года, “отец (Салазар – В.А.) посвятил свою жизнь благосостоянию своего сына (португальского народа – В.А.), но не желает позволить ему стать взрослым”.

В сентябре 1968 года апоплексический удар положил внезапный конец сорокалетнему правлению “пиренейского старца”. Остаток своей жизни профессор Салазар (как уже говорилось выше, все состояние этого неподкупного и умеренного во всем диктатора заключалось в 3000 фунтов стерлингов наличными), провёл в своем доме в Санта Комба. Лишь несгибаемая воля старца ещё поддерживала жизнь в его почти безжизненном теле. Профессор Антониу ди Оливейра Салазар скончался 27 июля 1970 года в Санта Комба.

В 1974 году созданное Салазаром португальское Новое Государство было сметено военным путчем, навсегда лишившим Португалию её заморских территорий.

Здесь конец и Господу нашему слава!

Вячеслав Новиков

**ДОКТРИНА
ПОРТУГАЛЬСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Мы присутствуем при радикальной перестройке современной государственности. Во главе идейного переворота, а также последующей реформы государственного организма стоят вожди народов, близко подошедших к пропасти коммунизма и спасённых от падения только взрывом национального чувства, вызванного проповедью и деятельностью национального отбора, сгруппировавшегося около вождей. Так как вожди – Муссолини, Гитлер, Салазар – в своей государственной работе проводят творимые ими же доктрины нового национализма, то наилучшим средством постижения их учений является изучение их речей, излагающих как сущность их доктрин, так и указывающих практические методы их осуществления.

Недавно на французском языке вышел томик речей главы португальского правительства О.Салазара за время его диктатуры с 1928 по 1936г.г. Португальский опыт построения национального государства является, может быть, наиболее интересным и, во всяком случае, весьма показательным. Национальная Революция в Португалии произошла мирным порядком и спасительное её действие на ход государственной жизни страны безспорно, ибо на глазах у всех Португалия из состояния морального, экономического и социального банкротства перешла к нормальному существованию, обеспечивающему развитие её национальных сил и несомненный рост народного благополучия и благосостояния.

В 1926г., при общем сознании надвигающегося краха, армия производит государственный переворот и устанавливает военную диктатуру. В 1928г. О.Салазар, профессор финансового права, молодой и скромный человек, верующий католик,

призывается в правительство, в качестве министра финансов, а в 1930г. он уже председатель Совета Министров, фактический диктатор Португалии, каковым и остаётся до настоящего времени.

Начав с реформы государственных финансов, О.Салазар немедленно приходит к убеждению необходимости коренной перестройки государства. Он решительно приступает к этой задаче и уже в 1933г. опубликовывает новую Конституцию, формулирующую основы нового национального государства. Затем он методически проводит в жизнь свою государственную доктрину, определившую содержание Конституции. Как выше сказано, О.Салазар, по своему характеру, человек очень скромный; он не любит публичных выступлений, почему за время его правления речей накопилось немного. Кроме того, он – учёный профессор, поэтому говорит очень осторожно, взвешивая каждое слово и заранее предвидя все возражения. Необходимость радикальной революции для Португалии О.Салазар усматривает в глубоком духовном и экономическом кризисе, охватившем страну наравне со всем миром.

В своей речи в десятую годовщину диктатуры, О.Салазар констатирует, что умственная и моральная апатия овладела умами португальцев, что обусловило политический и социальный беспорядок, угрожавший самому существованию государства. Старая идеология отжила свой век, понятия свободы, демократии, парламента, прав народа, всеобщего братства выветрились и превратились в бесодержательные рецепты, приспособляемые ко всяким обстоятельствам. При таком положении никакие паллиативы в виде реформ помочь не могли, единственный выход был в революции, восстановляющей вечные истины и возвращающей народу утерянный им смысл человеческой жизни.

Какие же это вечные истины? Прежде всего, это религиозная вера, являющаяся неисчерпаемым источником духовной жизни. Человек жаждет «абсолютного» для освящения собственной жизни и для морального укрепления общественного бытия,

в первую очередь, власти. Вера – дар Божий, она не может быть навязываема, но она не должна быть гонима, а охраняема.

Затем понятия:

1) Отечества, как базы здорового национализма, на основе которого только может быть построено новое государство;

2) Власти, как необходимого фактора государственного общеустройства, понимаемой, как право и как долг служения народу в школе, семье, церкви, фабрике, синдикате, казарме, государстве;

3) Семьи, как основной ячейки государства, являющейся источником самой жизни и морального богатства и, наконец,

4) Труда, как права и обязанности, ибо человек должен иметь право на труд, чтобы жить, и обязан трудиться, чтобы участвовать в жизни общества.

Таким образом, чтобы спасти страну, нужно произвести духовный переворот и орудием для такой цели, по мнению О.Салазара, может служить только диктатура, которая, при её концентрации власти, при быстроте действия, при твёрдости направления способна во всех областях государственной жизни создать новый дух.

О.Салазар откровенно объявляет себя противником парламентаризма. – Почему? – Парламентская демократия, – разъясняет Салазар, – на континенте выродилась в господство партий, лишила власть устойчивости, породила беспорядок, который угрожает самому государству. Современная демократия забыла о народе и его реальных интересах. Либерализм же, с его крайним индивидуализмом и проповедью материализма и интернационализма, подтачивает основы общественного бытия. Между тем, диктатура, при её способности действовать, – вовсе не деспотический режим, а режим сильной и честной законности. Её цель – дать стране конституционный закон, что и было сделано в 1933г. Отсюда понятен конечный вывод О.Салазара относительно диктатуры. Для него она не временный и исключительный режим, устанавливаемый вне закона, в моменты кризисов государственной жизни. Нет, это новая фор-

ма правления, которая в настоящее время вырабатывает свою внешнюю форму.

Создавая новое национальное государство, Салазар, должен был остановиться на понятии нации, которая полагается им в основу всего построения. В Статуте Труда, опубликованном одновременно с Конституцией, имеется такое определение нации: “Нация – это моральное, политическое и экономическое единство, цели и интересы которого стоят выше индивидуумов и их группировок”.

В своих речах Салазар более подробно разъясняет эту формулу. Нация – это объективная реальность, историческая и социальная, интересам которой должны подчиняться противоречивые интересы отдельных лиц. Поэтому “всё для нации и ничего против нации” (стр. 57). Нация представляется особым организмом, в который входят и которому подчиняются все единичные и коллективные образования. В основе нации находится не отдельный человек, а семья, служащая ячейкой для прихода, коммуны, а следовательно и для нации. Нация есть живая реальность, ибо она имеет собственные цели, особые самостоятельные интересы, почему её бытие делает неосуществимым интернационализм, подтачивающий существование национальных объединений. Поэтому, находясь выше всяких классов и партий, нация едина и вечна. Именно она, а не преходящий в своём существовании индивидуум, определяет бытие общественного организма. Следовательно, национальный интерес должен почитаться выше интереса индивидуального или группового, откуда происходит признание обязанностей индивидуума по отношению к нации и неизбежность ограничений индивидуальной свободы.

В тесной связи с понятием нации находится у О.Салазара понятие государства. Государство есть юридическое выражение нации в реальности её коллективной жизни (стр. 60). Так как нация определяется, как моральное, политическое и экономическое единство, то вся полнота жизни национального организма входит в сферу деятельности государства. В этой

полноте своей деятельности государство ограничивается моралью, правом и гарантиями личной свободы, которые представляются высшими требованиями социальной справедливости. Исходя отсюда, и государственная власть, ограниченная моралью и правом, не самовольствует, а выполняет свой долг. Единственная цель обновляющей государственной работы – это установление политического, экономического и социального национализма, правильно понимаемого, который характеризуется безспорным суверенитетом сильного государства по отношению ко всем элементам нации, государства, переставшего быть игрушкой и жертвой партий, групп, классов, сект и революционных заговоров. Во всём этом заключается сущность нового португальского государства, компетенция которого в сравнении с либеральным государством весьма расширена... При настоящих условиях, по мнению Салазара, безразлична сама форма правления, но, во всяком случае, новое государство должно быть сильным и дееспособным, почему, прежде всего, необходимо установить независимую, устойчивую и сильную исполнительную власть, освободив её от порабощения представительными учреждениями.

Как выше было сказано, национальное государство надпартийно, и даже больше – оно отрицает политические партии и их запрещает. Оно также высказывается против единой партии, которая бы идентифицировалась с государством. «Национальный Союз», который в Португалии объединяет в своих рядах всех сторонников Режима, не есть партия, а является культурно-идейным объединением лиц, поддерживающих Режим. Все свои идеи относительно государства Салазар провёл в новой Конституции, которая, как сам он формулирует, даёт такую картину устремлений национального государства: “Она [Конституция] устанавливает мораль и право в качестве границ собственной суверенности; она требует от государства уважения к гарантиям, вытекающим из природы вещей, для личности, семьи, корпораций и местных самоуправлений; она обеспечивает свободу и неприкосновенность веры и религиозных

исповеданий; она поручает родителям и их представителям обучение и воспитание детей; она гарантирует собственность, капитал и труд в их социальной гармонии; она признаёт Церковь с её организациями и обеспечивает ей свободу духовной деятельности.”

Вся эта деятельность государства опирается на сотрудничество граждан во всех областях национальной жизни. Обязанность сотрудничества распространяется и на область экономики, которая также подпадает под контроль государства. О.Салазар в принципе против излишнего вмешательства государства в хозяйственную деятельность, но он устанавливает начала самоуправляющейся экономики: “Мы считаем своей миссией достичь, чтобы начала справедливости и равновесия определяли хозяйственную национальную жизнь. Мы желаем, чтобы труд был признан и чтобы собственность была в гармонии с обществом. Мы стремимся к новой экономии, развивающейся соответственно человеческой природе под эгидой сильного государства, которое защищает высшие интересы нации, её богатства и труд, как против эксцессов капитализма, так и против разрушительного коммунизма”. Эта цитата отчётливо устанавливает отношение государства к народному хозяйству; оно является координатором хозяйственной деятельности отдельных лиц, организованных по профессиональному началу, то есть в корпорации. Хотя экономическая деятельность, таким образом, делается элементом политической, но сохраняется частная собственность, как институт, дополняющий бытие семьи, как отдельной ячейки. В общественном интересе, в производственной области укрепляется начало частной инициативы, как действительной пружины социального прогресса.

При этом сохраняется и начало разумной конкуренции, но, конечно, в пределах корпоративного режима. Последний характеризуется, прежде всего, отрицанием борьбы классов и социалистической организацией работы. Рабочие получают синдикальную организацию, которая защищает их интересы, но на основе национальной солидарности. Труд признаётся социаль-

ным долгом, откуда борьба с плутократией и всяким паразитизмом. Одним словом, создаётся корпоративное государство, почему на первый план выдвигается деятельность корпораций, не только экономических, но и моральных: “При реорганизации экономических корпораций нельзя упускать из вида, что интересы производства подчиняются не только общим интересам национальной экономики, но и духовным целям и духовным устремлениям нации и личностей, её составляющих”. Дополнительно к этим общим вопросам, для полноты понимания доктрины Салазара целесообразно коснуться некоторых отдельных вопросов, которые он выдвигает в своих речах.

О.Салазар в своей государственной конструкции очень озабочен охраной личности гражданина. Человек во всякой организации должен сохранить индивидуальную свободу. Однако, при всех таких убеждениях, О.Салазар не приемлет понятие свободы, как она выявляется при либеральных режимах. На таком понимании свободы, говорит Салазар, невозможно построить политическую систему, в которой были бы сохранены права индивидуальной и коллективной свободы. Поэтому он ставит индивидуальной свободе те пределы, которые даются необходимостью гражданского существования.

В связи с этим находится вопрос о воспитании. О.Салазар, исходя из положения, что жизнь государственная требует от граждан высокого уровня духовного развития, считает, что школа должна служить целям нации, то есть воспитывать португальцев, научая их хорошему мышлению и труду. Необходима особая система воспитания, построенная на началах морального долга, гражданской свободы и человеческого братства.

Наконец, последний вопрос, особенно интересный для нас, – это отношение Салазара к коммунизму. О.Салазар является его решительным врагом, так как коммунизм всё разрушает и в своём разрушительном бешенстве не различает ошибки от истины, зла от добра, справедливости от несправедливости. Для него не существует ни истории, ни человеческий разум, ни честь, ни семья, ни величие нации, хотя собственная его лож-

ная теория в её осуществлении приводит только к рабству человека. О.Салазар находит, что коммунизм – это естественное последствие либерализма в его бунте против разума, дисциплины и авторитета. Поэтому О.Салазар удивляется, что находятся люди, которые для спасения демократии, свободы, мира и социальной справедливости хотят насадить у себя коммунизм. “Это нас приводит к заключению, что дух людей находится в смущении или что их заявления просто циничны”.

К каким выводам обязывает нас изучение государственной доктрины О.Салазара? Сам творец и автор португальской Конституции признаёт свою систему оригинальной и довольно определённо отгораживается от фашистской и национал-социалистической доктрины. Жизнь каждого государства весьма индивидуальна; поэтому понятно, что конкретная система государственной организации каждого отдельного государства выявляет более различий, чем сходств с другими. С этой точки зрения нельзя спорить с О.Салазаром. Но совершенно иначе ставится вопрос при определении типичности данной государственной системы.

Муссолини неоднократно заявлял, что Итальянский Фашизм в его конкретном осуществлении в Италии не есть предмет иностранного вывоза. В этом утверждении он прав, если дело идёт о конкретных институтах итальянского государства. Но, с другой стороны, Муссолини также категорически утверждает универсальность Фашизма. Это положение тоже бесспорно, ибо в своём развитии доктрина Итальянского Фашизма выработала общие начала, представляющие типические черты фашистской государственности, независимо от её конкретного осуществления.

Если подойти к доктрине португальского национального государства с этой стороны, то она безспорно фашистского типа. Духовные начала Национальной Революции, понятие нации, как единства, определяющего сущность государства, сильное государство, включающее в сферу своей деятельности всю полноту коллективной жизни, новая корпоративная экономи-

ка, подчиняющаяся национальному интересу, национальная солидарность, вместо борьбы классов, признание за трудом значения социального долга, водительство народными массами – все эти черты являются общими как для итальянской, так и для португальской государственности.

О.Салазар наиболее резкое расхождение между Фашизмом и его доктриной видит в тоталитарности фашистского государства. Однако, можно думать, что такое заключение покоится на непонятном недоразумении. Никто не хочет вдуматься в учение Муссолини о тоталитарном государстве. Несмотря на все его заявления и протесты, что он не помышляет о поглощении всей общественной и экономической жизни государством, все продолжают утверждать обратное. Фашистское государство тоталитарно в том смысле, что оноозвучно всей сложной жизни народного коллектива, но вовсе оно не стремится к подавлению личности, оно только восполняет отдельную личность в наиболее трудных достижениях.

Доктрина, построенная на самодеятельности профессиональных организаций и на активности организованного народа, совершила бы акт самоубийства, если бы сама воспитывала пассивность гражданина. Муссолини говорит: “Всё для государства и ничего против государства”. О.Салазар отвечает: “Всё для нации и ничего против нации”. – Какая принципиальная разница между этими формулами?..

Даже самый метод новаторства в обеих доктринах общий. Фашизм говорит: при государственных реформах нужно сохранять здоровое старое и усваивать необходимое новое. Разве не тот же способ предлагает О.Салазар на стр.131 своих речей: “Нужно спасать из прошлого высшие истины человечества и окончательное приобретение векового опыта и вместе смело выбирать из обещаний будущего то, что требуется натурой и необходимостью новых времён”. Ещё в 1926г. в очерках об Итальянском Фашизме я писал: “Когда любой государственный деятель, любой государствовед начинает размышлять по поводу переживаемого кризиса и формулировать программу

необходимых перемен, он мыслит и говорит по-фашистски или же он вынужден оставаться в пределах старых формул и чистой демагогии". – Моё заключение нашло сейчас своё яркое подтверждение. Решительный отрицатель старого, враг демагогии, защитник честности и искренности в политике, О.Салазар строит новое государство: национальное и корпоративное. И, конечно, при всей его гениальности, – а О.Салазар действительно гениален, – он в своей доктрине национального государства приходит к положениям универсального Фашизма, творцом которого является Бенито Муссолини.
(«Клич» №21, Октябрь 1937г.)

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*(ИЗ ОСВЕДОМИТЕЛЬНОГО БЮЛЛЕТЕНЯ
СЕКРЕТАРИАТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ
ОТ 31.V.1936)*

От переводчика: В то время, когда несчастная Испания, благодаря преступному попустительству стоящей у власти беспомощной демократии, попала в кровавые лапы коммунистов и подверглась всем ужасам гражданской войны, рядом близкая ей по крови и по духу Португалия отпраздновала десятилетие своей национальной фашистской революции, отмеченное подъёмом здорового национального духа и целым рядом достижений в области народно-хозяйственной деятельности и политического устройства на началах и по образцу итальянского фашизма. Пример показательный и поучительный для всех тех, кто ещё до сих пор не осознал животворящей силы фашизма, идущего на смену изживающей себя демократии и порождённого её дегенерацией и безсилием кровожадного коммунизма.

В единении и одушевлении вся Португалия отпраздновала день 28 Мая, который является десятой годовщиной Национальной Революции. В Браге, откуда в 1926-м году раздался освободительный призыв португальской армии, юбилейные празднества приняли грандиозный характер с многочисленными народными и рабочими процессиями, которые протекали в порядке радостных демонстраций. Громадная процессия, объединившая до 100.000 человек, представлявших весь север страны, продефилировала пред главой государства и членами правительства. По этому поводу О.Салазар, председатель совета министров, сказал большую речь, которая была передана по радио по всей стране. О.Салазар напомнил, что десять лет

тому назад Революция восторжествовала без пролития капли крови, и что отсюда началась для страны новая эра. В качестве основ нового порядка были приняты: Бог, Отечество, Власть и Труд. Набросав картину духовных и материальных завоеваний нового государства, глава правительства заявил: “Таким образом, был создан грандиозный фундамент государственного здания и были осуществлены внутренний мир, гражданское единение, сильное государство, власть и престиж, честная администрация, крепкая экономика, патриотическое чувство, корпоративная организация и колониальная империя. Можно спросить: как это было возможно? – Исключительно благодаря сознанию народа и искренности власти”. Воздав честь армии, которая обеспечила проведение реформ в течении 10 лет, Салазар сделал следующее заключение: “Эти десять лет в истории страны представляют эру реставрации. Начинается новое десятилетие, которое составит эру роста страны, опирающегося на тяжкие жертвы, высший героизм и верную преданность”. Когда О.Салазар спросил толпу, на кого он может рассчитывать в этом грандиозном предприятии, раздался единодушный крик: «На всех!». Речь председателя Совета сопровождалась горячими овациями. 28 Мая, по инициативе «Национального Союза», – политического движения, поддерживающего правительство, была организована и открыта в Лиссабоне обширная выставка результатов работы нового государства. В своей речи при открытии выставки О.Салазар заявил: “Революция будет длиться, пока существует внешняя опасность и зародыши внутреннего разложения. Десятилетняя эра восстановления закончилась, начинается новая эпоха 10 лет, посвящённая росту и требующая ещё больших усилий”. При этом он добавил, что в его предстоящей деятельности он будет придерживаться трёх важнейших начал: 1) естественное развитие принципов нового государства, нашедшего своё выражение в Конституции; 2) наиболее интенсивное использование возможностей метрополии и колоний; 3) утверждение, самое решительное пред міровым

общественным мнением португальской конструктивной семьи и португальской цивилизаторской энергии. В тот же день морской парад, в котором принял участие весь флот, дал возможность лиссабонцам, собравшимся на берегу Тахо и приветствовавшим кликами корабли, убедиться в реальности усилий нового государства для создания флота, достойного современной Португалии. Вечером в Географическом Обществе генерал Кармона, президент республики, в торжественной обстановке роздал призы по цветочным играм. В течение ночей 26, 27 и 28 Мая празднества под открытым небом в ряде городских округов столицы подчеркнули действительно народный характер чествования десятилетия революции. Жители Лиссабона, даже в самых бедных кварталах, вышли на улицу, где танцевали и пели до утра. Таким образом выражилась сила и радость португальцев, а также искренность, с которыми они одобряют правительство Салазара, сочувствуя его начинаниям и обязуясь поддерживать его со всею благодарностью и доверием.

Перевод – В.Новиков

(«Клич». Орган национального освобождения под флагом национальной диктатуры. №17, сентябрь 1936 г.)

Мирча Элиаде

САЛАЗАР И РЕВОЛЮЦИЯ В ПОРТУГАЛИИ

[1942, фрагмент главы «Учёные и революция»]

«Что критиковали? Всё подряд. «Поколению Коимбры» казалась, что тогдашняя Португалия [прим. - в 70-х годах XIX в.] достигла последней стадии разложения. «Национальная деградация - единственное содержание нашей истории в течение последних трёхсот лет», - писал Antero de Quental. Молодые интеллектуалы, воспитанные в Коимбре, метались между ярко выраженным комплексом неполноценности - который заставлял их смотреть с отвращением и ненавистью на традиционные нравы, институты и культуру - и наивным революционным профетизмом. 50 лет псевдо-либеральных реформ превратили Португалию в карикатуру: традиционная монархия давно уже исчезла - и всё же Португалия не стала европейской страной, подобной Франции. Редкие учёные из числа тех, кому удалось «приобщиться к свету Европы», с ужасом наблюдали за тем, что происходило вокруг; вводились заграничные законы и нравы, да всё по-дуралки, только наполовину. Всё было противоречиво, фальшиво и стерильно. Отсюда бешенство и разочарование, отсюда безжалостная критика, не щадившая ничего; ни монарха, ни религию, ни семью, ни государство. «Поколение Коимбры» мечтало превратить полу-французскую Португалию в страну, во всём похожую на Францию. Его представители стыдились того, что их родители скопировали парижские модели «не так, как надо». Настоящееказалось этим людям отвратительным, прошлое - прибежищем отсталости. Португальское наследие, в котором они видели истинную причину национального позора, было подвергнуто публичному осмеянию и обструкции. Идолом нового поколения становится Виктор

Гюго - француз, модернист, революционер. «Он проповедует гуманность, он пострадал за убеждения» ...

Совершенная модель прекраснодушной молодежи из Коимбры - это Франция «изобилия и свободы», в которой церковь и дворянство были поставлены на колени. В сущности, эти люди, стремясь подогнать Португалию под парижскую модель, желали своей родине добра. Они искренне верили в то, что Португалия не сможет вернуть себе достойное место в Европе, не претерпев радикальной трансформации, которая должна была покончить раз и навсегда с «призраками прошлого». Их безжалостная критика приблизила падение монархии и последовавший за этим период революционного хаоса. И, в то же время, каждый из представителей «поколения Коимбры» внёс свой вклад в подготовку националистической революции и способствовал созданию «Нового Государства». Современные националисты смотрят на португальское общество последних трёхсот лет теми же глазами, что и их предшественники. Паразитизм буржуазии, безразличие дворянства, упадок церкви, апатия масс, заурядность деятелей культуры - все эти пороки, против которых боролось не только «поколение Коимбры», но и создатели «Нового Государства», были более чем реальны ...»

(«Салазар и революция в Португалии», изд-во «ScAra»,
Бухарест, 2002. пер. с румынского С. Томояги)

О ЛИЧНОСТИ САЛАЗАРА (из «Дневника» М.Элиаде)

«23 апреля 1941 г. я наблюдал с балкона министерства финансов, выходящего на Пласа ду Комерсью, многолюдную манифестацию в честь Салазара. Переписываю несколько строк из дневника: «Он одет в простой серый костюм - и улыбается, подняв руку в приветствии, очень спокойный, никакой жестикуляции. При его появлении сверху стали опрокидывать корзины с лепестками роз, жёлтых и розовых (цвета португаль-

ского флага). Я смотрел потом, как он держит речь. Он читал довольно проникновенно, но без выспренности, время от времени отрывая глаза от страницы, чтобы взглянуть на толпу. А когда кончил речь и толпа разразилась бурными овациями, он с улыбкой склонил голову». Три дня спустя я, со всей дипмиссией, присутствовал при церемонии вручения верительных грамот посланнику Юрашку... Я был единственный без орденов (кроме, разумеется, Салазара, который принимал все награды, но ни одну не носил). Президент, старый генерал Кармона, выслушал, опервшись о саблю, речь, прочитанную Брашку, с многозначительным видом кивая всякий раз, когда слышал слово *latinitas*. Переписываю из дневника: «Стоящий рядом с ним Салазар, во фраке, был сама скромность - по виду, один из секретарей президента. Он слушал, никак не обозначая своего присутствия. Я увидел, наконец, как следует, его глаза. Их взгляд не сверкает, не пронзает, вызывая смущение, но проходит сквозь тебя без враждебности»...

Вечером 6 июня 1942 г. мне позвонил Антониу Ферру с известием, что Салазар назначил мне аудиенцию на завтрашний день, на пять часов пополудни. Не найдя такси, я чуть ли не бегом добрался до дворца Сан-Бенту. Привратник спросил, кто мне нужен. Я ответил: «Сеньор Президенте». Он кивнул на лестницу в глубине. «Третий этаж, направо». Так входят к португальскому диктатору... Переписываю из дневника: «Захожу в кабинет. он сам встречает меня у дверей и без искажений выговаривает моё имя. Кабинет скромный, на столе - ни единой папки с бумагами, слева - столик с телефоном... Вблизи он не такой суровый. Есть какое-то простодушие, свежесть, невинность в этом лице хорошей чеканки и очень мужественном. Глаза влажные, с тенью, как будто смотрят из далёкого далека; порой взгляд скользит мимо, огибая тебя. Голос тёплый и тихий, в отличие от того, что я столько раз слышал по радио». Он задаёт мне вопросы о моей учёбе в Индии, о моих португальских впечатлениях; когда я завожу разговор о книге «Салазар и португальская революция», которую только что кончил, он

выказывает удивление моей осведомлённостью и толкованием, которое я даю его работе «Новое государство» (Estado Novo).

Аудиенция должна была продолжаться 15 минут, но когда секретарь вошёл напомнить, что четверть часа прошла, Салазар сделал жест рукой. Секретарь вошёл ещё через четверть часа и тут же ретировался. Истекли 55 минут, я то и дело порывался встать. Салазар вдруг встал сам, пожелал мне счастливого пути и с благодушным видом пожал мне руку...

На отдельном листе я выписал всё, что относилось к нынешнему положению Румынии и, главное, к тем проблемам и кризисным моментам, с которыми Румыния столкнётся после окончания войны. Я отдавал себе отчёт, что, какими-то замысловатыми ходами, эти соображения представляли собой личное послание Салазара, адресованное маршалу Антонеску. «Если бы я был на его месте, - говорил, по сути дела, Салазар, - я бы сохранил в стране как можно больше вооружённых сил. Маршал Антонеску - не политик; он добился своего положения без опоры на какую бы то ни было политическую партию; вся его сила - в армии. Зачем же тогда губить её в русских степях? Я бы оставил её в стране или как можно ближе к границам, тогда в трудном положении я мог бы опереться на армию». Салазар очевидным образом подсказывал маршалу следовать примеру Финляндии...»

Максимилиан Шепелев

САЛАЗАРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Современный кризис западной либеральной демократии актуализирует интерес к нетипичным политическим режимам и нестандартным стилям политического лидерства и государственного управления. Пожалуй, наименее изученным среди недемократических режимов и стилей, существовавших на Западе в недавнем прошлом, но при этом наиболее долговечным (с 1928-1932 до 1968-1974 гг.), является салазаризм. В отечественной литературе он рассматривался лишь с крайне идеологизированных позиций и в основном в советский период, причём в рамках работ более общего характера по истории Португалии (Р.М. Капланов, А.М. Хазанов, В.Л. Шейнис). В зарубежной литературе в последние десятилетия обозначилась тенденция к более объективному и разностороннему изучению данного феномена (А. Кошта Пинту, М. Брага да Круз, И. Леонард, М. де Лусена, Ж. Ногейра Пинту, Ф. Рибейру де Менесеш, Ж.А. Сараива). В этом контексте объективно охарактеризовать особенности салазаризма как политического стиля и является целью данной статьи.

Антониу де Оливейра Салазар (1889-1970), безусловно, был диктатором и никогда этого не отрицал, но он был совершенно нетипичным диктатором для XX века. Это была прежде всего моральная диктатура в том классическом смысле, в каком её мог понимать и осуществлять католический интеллектуал ещё позапрошлого столетия. Не случайно один из его министров Адриану Морейра считал, что Салазар руководил правительством на основе «кодекса канонического права». Его взгляды, как и его политика, в т.ч. созданный им политический режим (*Estado Novo* - Новое государство) и выработанный политический стиль, очень необычные даже для своего времени, после

смены режима в Португалии совсем не вписывались в идеино-политический «мейнстрим».

При жизни Оливейра Салазар не допускал, чтобы его изображение фигурировало на монетах или марках Португалии, и возражал против того, чтобы ему возводили памятники или называли его именем улицы. За четыре десятилетия политической деятельности у руля страны его библиографическое наследие составило всего шесть томов (1140 страниц) - для сравнения, его идеиный противник Мариу Суареш всего за десятилетие своего президентства выпустил десять томов.

Когда его правительство в 1966 г. настояло на том, чтобы назвать новый мост через Тежу в его честь, Салазар был так раздражён, что публично осудил этот жест во время церемонии открытия объекта, считая неправильным называть общественное сооружение или иной объект именем живой личности. А размыслия о том, насколько быстро меняется общественное настроение, он предсказал, что спустя короткое время и эта постройка получит другое название. И действительно, сейчас лишь в родном селении Салазара есть носящий его имя «проспект».

Учитывая огромную власть, которой он обладал в течение четырёх десятилетий, он мог бы построить себе монументальный мавзолей, подобно усыпальнице Франсиско Франко в Долине Павших, мавзолеям Мао Цзэдуна или Иосипа Броз Тито, либо потребовать, чтобы его похоронили в монастыре Жеронимуш рядом с такими историческими деятелями, как Вашку да Гама или Фернанду Магеллан, наконец - в достроенной при нём (на 284-м году) церкви Санта Энграсия, ставшей Национальным пантеоном, вместе с останками бывших президентов Сидониу Паиша и Ошкара Кармоны.

Вместо этого всегда испытывавший раздражение от публики Салазар настоял на том, чтобы упокоиться на своей малой родине - в маленькой и тихой деревне Вимиейру, в безымянной могиле (отмеченной лишь тремя буквами - A.O.S.), неотличимой от семи других захоронений своих родных. Единственное,

что выдаёт место последнего земного пристанища всесильного шефа Estado Novo - это табличка, поставленная его почитателями, на которой написано: «Человеку свойственно ошибаться, но на сегодняшний день он был лучшим государственным деятелем и самым честным из всех правителей Португалии». К 120-летию со дня рождения Салазара его могилу привели в порядок и установили новую надпись: «Здесь покойится человек, которому больше всего осталась должна Португалия. Он отдал стране всего себя, не взяв для себя от страны ничего».

Салазар был личностью с уникальной для современного политика нравственной философией. Он часто говорил о том, что «обязан Промыслу милостью быть бедным», и поэтому, чтобы заработать, при том скромном образе жизни, к которому он привык с детства, ему не нужно путаться в тенетах бизнеса или в компрометирующих связях. Даже находясь на высшем правительстенном посту, он жил необыкновенно скромно и никогда не позволял оплачивать свои личные расходы за государственный счёт, причём под личными расходами он понимал то, что все остальные отнесли бы к тратам, связанным с должностными обязанностями. Не случайно на фасаде его ныне обветшавшего родного дома в селении Вимиейру можно увидеть скромную мемориальную табличку со словами: «Здесь 28.04.1889 г. родился доктор Оливейра Салазар - сеньор, который правил и ничего не украл».

В столице он не приобрёл даже квартиры и оставил после себя лишь скромный крестьянский дом в провинции, принадлежавший ещё его родителям, а также 274 тысячи эскудо на своём банковском счёте. Эта сумма примерно соответствовала зарплате за семь лет обычного португальского банковского служащего, работавшего внутри страны, или доходу португальской эмигрантки, работавшей горничной в Париже. И это глава правительства капиталистической страны с обширной колониальной империей, стоявший у кормила власти почти четыре десятка лет!

Салазар говорил о себе: «Я независимый человек. Я никогда не стремился иметь политические клиенты и не пытался создать партию, которая поддерживала бы меня, но в обмен на их поддержку определяла бы направление и границы моих правительственные действий. Я никогда не льстил людям или мас-сам, перед которыми многие в современном мире преклоняются в лицемерном или презрительном раболепии. Если я упорно защищаю их интересы, если я забочусь о нуждах скромных людей, то это происходит по моей собственной заслуге и в результате моей совести как правителя, а не из-за партийных связей или предвыборных обязательств, которые мешают мне. Я, насколько это возможно, свободный человек» [1, с. 638].

Политический стиль Салазара определялся институциональной средой созданного им режима - точнее, как тогда говорили, «политической ситуацией». Основные политические институты в Estado Novo, казалось, были совершенно обычными: глава государства, правительство и парламент, но их статусы и соотношение их полномочий были определены таким образом, чтобы установить своего рода конституционную квази-монархию, в которой место короля занимал президент республики. Как и король, президент, имеющий Государственный совет в качестве консультативного органа, свободно назначал и увольнял главу правительства и мог распускать или переносить заседания парламента. Как и король, президент не управляем государством, и все его действия должны были быть одобрены главой правительства, так что последний нёс полную ответственность за управление страной, но подотчётен он был только президенту. Причём на практике роль президента республики была скорее церемониальной, реальная власть принадлежала президенту Совета министров. Дело в том, что Салазар никогда не хотел быть главой государства, предпочитая видеть на этом посту высокопоставленного военного и при этом, по сути, пропагандировать «президентскую власть президента Совета». Недаром, ещё будучи студентом Коимбрского университета, он признался своему лучшему другу Мануэлу Гонсалвешу Сережайре:

«Ты знаешь, я чувствую, что моё призвание - быть премьер-министром абсолютного короля» [2, с. 169].

В основе организации государственной власти в Estado Novo лежал принцип политического единства, предполагающий сотрудничество между Национальным собранием и правительством. Фактически он утверждал явное превосходство исполнительной власти над законодательной с целью построения сильного и авторитарного государства во избежание нестабильности республиканского периода. Исполнительная власть была неподотчётной Национальному собранию в политическом отношении, хотя существовали механизмы парламентского контроля над правительством. При этом правительство по конституции 1933 г. не было коллегиальным органом.

Салазар не был «премьер-министром» - он, как и сменивший его в 1968 г. Марселу Каэтану, был «президентом Совета министров». В этом качестве он обладал широкими полномочиями, согласовывал и направлял деятельность всех министров, являвшихся политически ответственными перед ним за свои действия, представлял президенту республики предложения по назначению и увольнению министров и государственных секретарей и скреплял своей подписью соответствующие указы. Президент Совета министров нёс ответственность за общую политику правительства только перед президентом республики. На практике всё это привело к тому, что президент Совета Салазар стал зависеть исключительно от президента республики Кармоны, но после его смерти сам превратился в «делателя королей». Глава правительства был «истинным и эффективным носителем власти», хотя с формальной точки зрения президент республики оставался краеугольным камнем режима, проявляя себя в чрезвычайных ситуациях, как это было в 1961 или 1968 гг., и тем самым обеспечивая стабильность «политической ситуации».

От имени Совета министров президент Совета издавал декреты, имеющие силу закона «в силу законодательных разрешений или в срочных случаях и в случаях государственной

необходимости», а также издавал «декреты, регламенты и инструкции в целях надлежащего исполнения законов», и скреплял своей подписью акты президента республики [3]. Институт ратификации (то есть право Ассамблеи утверждать и изменять декреты-законы, принятые правительством) был смягчён благодаря пересмотру конституции в 1935 г., после чего контролю подлежали только декреты-законы, опубликованные во время законодательной сессии. Особое положение в правительстве Estado Novo занимал министр финансов. Конституция предусматривала, что «акты президента республики и правительства, влекущие за собой увеличение или уменьшение приходов или расходов, всегда будут скрепляться министром финансов» [3]. Этот пост, с которого началась его правительственная деятельность в 1928 г., Салазар сохранял за собой до 1940 г., также как и посты министра иностранных дел и военного министра в 1936-1946 гг.

Бдительное око Салазара постоянно держало в поле зрения все исполнительные и законодательные органы власти, сфера деятельности которых в совокупности далеко выходила за рамки потребностей контроля, характерных для других диктаторских режимов. Несмотря на то, что он окружил себя сильными министрами, Салазар далеко не всегда давал им большое пространство для самостоятельного принятия решений, широко вмешиваясь в сферу деятельности различных министерств. Систематически получаемая им информация даже с уровня ниже министерского (заместители министров, руководители департаментов и даже отдельные нижестоящие чиновники как в центральном аппарате, так и на местах) позволяла подробно вникать в повседневную работу правительственные структур.

Накопление нескольких портфелей привело к повышению значимости в этих ведомствах государственных секретарей или генеральных директоров, обладавших огромной бюрократической и политической властью над соответствующими секторами - даже большей, чем у многих министров, поскольку она обезпечивалась более интенсивным взаимодействием с

Салазаром. Так было, например, с Тейшой де Сампайо и Сантушем Коштой как государственными субсекретарями по иностранным и военным делам. Если же принять во внимание Секретариат национальной пропаганды при Антониу Ферро, то можно отметить, что политические ведомства, как правило, не возглавлялись министрами, и их руководители имели дело напрямую с Салазаром. Официальная его позиция состояла в том, что хотя политика, как человеческое искусство, всегда необходима, пока есть люди, тем не менее, правительство будет всё больше превращаться в «научную и техническую функцию».

В первые годы своего пребывания во главе правительства (30-е гг.) Салазар встречался со своим Советом министров 94 дня, что составляет в среднем 15 встреч в год, но совсем не регулярно. С момента провозглашения конституции и до конца 1933 г. Салазар встречался со своим советом министров в среднем два раза в месяц, что является самым высоким показателем этого периода истории Нового государства. В 1935 г. было проведено три заседания каждые два месяца, а в течение 1938 г. кабинет заседал один раз в месяц, после чего в среднем проводилось три заседания каждые четыре месяца. Только половина заседаний были посвящены текущим вопросам, то есть примерно в половине случаев, когда Салазар решал собрать весь кабинет, на обсуждение выносилось что-то «исключительное».

Это говорит о том, что Салазар собирал свой кабинет не столько для решения «важнейших вопросов политики», сколько для срочных вопросов «общего руководства». Неизвестно, имело ли место при этом реальное обсуждение, или же встречи проводились только для формального одобрения решений Салазара. А в послевоенные годы президент Совета всё больше отдавал предпочтение индивидуальным встречам с министрами. Показателен случай, о котором вспоминал министр заморских территорий Адриану Морейра: после того, как президент Совета и сам Морейра как министр подписали декрет об отмене Статута коренного населения, он сказал главе правительства: «У меня есть сомнения, не требует ли конституция, чтобы

это было решение Совета министров». На это Салазар ответил: «Вы правы, но если их двое, то это уже Совет» [4].

Политическое долголетие Салазара было обусловлено в значительной степени его умением держать политические карты почти всегда очень близко к груди, скрывая игру, и тем, что он был превосходным дирижёром огромного оркестра, которым был режим, правительство, португальская и международная политика. Примечательно, что каждой перестановке министров, как и каждому обновлению Национального собрания, предшествовал процесс консультаций Салазара по кандидатурам, которые должны были быть назначены. Почти с самого начала своей правительственной деятельности он имел привычку узнавать мнение небольшого, но стабильного ядра советников - неформального «частного совета», - хотя на протяжении всего периода существования режима оно менялось. В целом это был очень традиционалистский стиль управления, чем-то напоминавший эпоху кардиналов Ришелье и Мазарини, либо же князя Меттерниха, но вместе с тем сам Салазар и его окружение были энергичными, высококвалифицированными современными технократами.

Правительственную элиту Estado Novo отличали, во-первых, молодость (в среднем 44 года для первой фазы Estado Novo, причём около четверти министров и государственных субсекретарей были в возрасте до 30 лет); во-вторых, разрыв с либеральной республиканской элитой (в правительствах Салазара не было ни одного министра времён Первой республики) и преобладание в новой эlite носителей консервативных взглядов, как республиканского, так и монархического толка, причём до 40% из них относят к категории «технократов»; и в-третьих, очень заметное (до 40%) преобладание представителей университетской профессуры, особенно юристов - выпускников и преподавателей факультета права Университета Коимбры (71% выпускников юридических факультетов среди членов правительства). Вообще численность выпускников факультетов права впечатляюще возросла - с четверти до более половины среди

министров, государственных секретарей и субсекретарей. И это на фоне снижения вдвое доли военных в составе правительства. Если же посмотреть шире, то два факультета права Коимбры и Лиссабона были теми учреждениями, которые поставляли в государственный аппарат наибольшее количество квалифицированных управленческих кадров. Больше двух третей выпускников факультета, на котором учился и работал Салазар, оказывались на государственной службе. В целом высший эшелон власти и административный аппарат набирались прежде всего из университетских кругов.

Что же касается количества университетских профессоров и, среди них, профессоров права, их роли структурообразующего фактора в составе политической элиты Estado Novo (для обозначения этой ситуации используют даже термин «кафедрократия»), то это - одна из наиболее значительных особенностей салазаризма по отношению к аналогичным политическим режимам. В 1940 г. пять из девяти министров были профессорами, четверо из них - с факультета права Коимбры. Следует учитывать, что университетские профессора в Португалии представляли собой крайне маленькую и замкнутую группу людей, обладавших исключительно высоким социальным статусом и престижем в обществе. В конце 20-х годов число профессоров факультетов права не достигало и 40 человек. Лиссабонский юридический факультет насчитывал 18 профессоров, а юридический факультет Коимбры - 17. Но в Португалии эти профессора не только в 20-30-е, но и в 60-е годы пользовались даже большим социальным престижем, чем те, кто занимал руководящие должности в крупных компаниях.

В основном эти люди были не ораторами, выступающими перед публикой на собраниях и пытающимися мобилизовать мнение, а экспертами, гордившимися тем, что решают вопросы технически правильно и являются посредниками в достижении компромисса между различными интересами и точками зрения. В сложившейся под их эгидой «кафедрократии» культивировались иерархия, протоколы и ритуалы, а противоборство

и обсуждение противоречивых точек зрения хотя и существовали, но должны были закончиться, как только шеф примет решение. На первых сессиях Национального собрания в 1934 г. несколько депутатов подчеркнули это, заявив об отказе от старого парламентского сутяжничества и пообещав «конструктивный» дух. Сотрудничая с правительством, они избегали старого ораторского искусства (которое сохранилось только в судах), предпочитая, как и Салазар, письменные речи, когда-то запрещённые старыми парламентскими обычаями.

Примечательно и то, что почти половина министров родились, как и сам Салазар, в маленьких провинциальных городках и селениях с населением менее 10 тысяч жителей. После консолидации Estado Novo «циркуляция» министерской элиты резко сократилась по сравнению с периодом национальной диктатуры, увеличилась и средняя продолжительность пребывания на правительственные должностях. Если за восемь лет военной диктатуры сменилось 65 министров, то за последующие двенадцать лет - всего 28, то есть их ротация сократилась почти наполовину. После того как режим консолидировался, Салазар, подбирая министров, обычно не стремился содействовать какому-либо балансу сил, представлению течений мнений, но лишь окружить себя надёжными людьми, в основном уже доказавшими свою преданность режиму и его шефу.

Для характеристики режима Estado Novo в то время широко использовалось понятие «конституционная диктатура», но фактически за этим понятием стояла институционализация «персонализированного руководством» Салазара. Действительно, систематический контроль над деятельностью всей государственной администрации, иными словами - режим «ручного управления», был основным инструментом его политической власти. Не случайно в 1951 г. на конгрессе Национального союза в Коимбре Марселу Каэтану открыто поставил вопрос: «Действительно ли Estado Novo - это режим, или это просто набор условий, пригодных для осуществления власти человеком с исключительными способностями к управлению?». На про-

тяжении десятилетий это был не режим, а скорее «ситуация», и часто действительно использовалась именно эта формулировка. Важнейшими опорами, обезпечившими устойчивость этой ситуации, были: 1) политический контроль над вооружёнными силами; 2) поддержка Католической Церкви; 3) опора на местные элиты; 4) корпоративная организация как механизм контроля над населением и экономикой; 5) система контроля над социальными коммуникациями.

Национальный союз, созданный в 1930 г. по инициативе Салазара и подчинённый правительству, был призван объединить всех тех, кто хотел участвовать в политической деятельности. За его пределами не было политической жизни. Оливейра Салазар, провозглашённый пожизненным лидером (шефом) Национального союза и до постигшего его осенью 1968 года инсульта возглавлявший высший орган НС - Центральную комиссию, особо отмечал, что партии Первой республики раскалывали португальское общество, вносили в него раздоры и превращались в клики политической власти, нарушавшие гражданские права и свободы португальцев - напротив, Национальный союз объединяет общество, служит общенациональным интересам и защищает гражданскую свободу, является «высшей школой граждан». Устав НС был утверждён правительственным декретом от 20 августа 1932 г., в котором подчёркивалось, что он является не политической партией, но «организацией единства всех португальцев». Будучи инструментом проведения государственной политики и не являясь партией (и напоминая чем-то «Объединение функциональных групп», или «Голкар», в Индонезии при Сухарто), он, естественно, не имел и характеристик партии тоталитарного режима.

Поскольку Салазар крайне отрицательно относился к массовым движениям, Национальный союз принципиально не являлся массовой организацией и его численность в различные периоды колебалась в пределах 20-40 тысяч членов. В основном это были функционеры государственного аппарата, предприниматели, землевладельцы, деятели науки и образования,

юристы и военные. При этом существовали квоты по соотношению представителей различных политических позиций и социально-профессиональных групп. Среди рядовых членов НС предпочтение отдавалось сельскому населению и жителям небольших городов как наиболее благонадёжным. С 1936 г. НС имел свою молодёжную организацию «Португальская молодёжь» (*«Mocidade Portuguesa»*), внутри которой существовала секция для девушек - «Португальская женская молодёжь». С ним также были аффилированы проправительственные профсоюзы - национальные синдикаты, торгово-промышленные гильдии (*grémios*), и сельские «народные дома». Кандидаты Национального союза 7 раз выдвигались и побеждали на президентских выборах (генералы Антониу Ошкар Фрагозу Кармона, Франсишку Кравейру Лопеш и адмирал Америку Томаш) и 11 раз - на парламентских. Во всех случаях НС получал все мандаты в парламенте (от 80% до 100 % голосов).

Помимо армии режим пользовался также поддержкой католической Церкви, во главе которой стоял давний университетский друг Салазара Мануэл Гонсалвеш Сережейра, ставший в 1929 г. кардиналом-патриархом Лиссабона. Эта поддержка была закреплена подписанием конкордата 1940 г., по которому хотя Церковь и государство формально оставались разделёнными, католическая Церковь получила некоторые привилегии. Конкордат признавал правосубъектность Церкви, свободное осуществление церковной власти, её безцензурное общение с верующими, свободу организации и распоряжения своим имуществом в религиозных целях, а также её право преподавать в государственных школах.

В принципе Салазар выступал против создания военизованных массовых организаций, поскольку он никогда не считал, что Estado Novo для своего самоутверждения следует полагаться на ополчение. И вообще он предпочитал апатию мобилизации, равно как невидимость - массовой активности. Этим ситуация в Португалии с самого начала принципиально отличалась от Италии и Германии. Однако с началом гражданской

войны в Испании Салазар столкнулся с «красной опасностью», грозившей перекинуться на Португалию, и вынужден был учитывать враждебность некоторых испанских политических движений, которые намеревались включить Португалию в будущий «Пиренейский Советский Союз». Поэтому он согласился пойти навстречу инициативе членов старых праворадикальных движений и создать гражданскую организацию общественной поддержки режима, наделённую военизованными и полицейскими информационными функциями. При этом он потребовал, чтобы эта структура, получившая название «Португальский легион», была не партийной милицией, а государственной структурой. Причём уже с 1942 г. основной её функцией стала гражданская оборона.

Обладая весьма ограниченными по численности полицейскими силами, которых ныне сочли бы недостаточными для прикрытия районов Порту и Браги, Estado Novo под руководством Салазара восстановило общественный порядок после многих лет хаоса и анархии, пережитых португальцами в период Первой республики, гарантированно обезопасив население и экономику. Без применения смертной казни, в отличие от некоторых других западных стран с «великими демократическими традициями», Португалия надолго превратилась в страну с очень низким уровнем преступности. Зато апрельская революция 1974 г. всего за несколько недель существования нового режима, не случайно получивших название «эпохи террора», привела к такому росту числа преступлений, совершившихся вооружёнными бандами, что намного превзошла четыре десятилетия Estado Novo.

Для поддержания общественного порядка режим Салазара полагался на местные элиты и политическую полицию. Её штаб-квартира находилась в Байрру-Алту, в здании, где прежде располагалась масонская организация Grande Oriente Lusitano, запрещённая в 1935 г. как тайное общество. Уровень использования насилия для поддержания общественного порядка при Estado Novo, как отмечает Руи Рамуш, не превышал показате-

лей Первой республики 1910-1926 гг. За тот период в результате подавления беспорядков и забастовок погибло около 98 человек, а при Estado Novo в 1933-1974 гг. - 41 человек, то есть более чем в два раза меньше за почти в три раза больший период времени. Что же касается утверждений, будто во времена Estado Novo были убиты и замучены тысячи людей, то они объективно являются ложью. Основная масса политзаключённых в любом случае приходилась на 20-30-е гг. - годы мятежей, волнений и заговоров. Ясно, что это были не случайные люди или невинные жертвы «кровавого террора».

В целом политические репрессии, особенно в 40-60-х гг., носили очень избирательный, индивидуальный характер (думается, в этом смысле Португалию можно сравнить с СССР при Брежневе с поправкой на отсутствие в Советском Союзе оппозиционной прессы, оппозиционных политических сил и устраиваемых ими массовых акций). Обращение к репрессивным мерам определялось принципом относительной «экономии» насилия, что делало общество свободным от повседневного напряжения, характерного для тоталитаризма, а это, в свою очередь, обеспечивало устойчивость режима. Возможно, Салазар и не очень стремился завоевать любовь народа, но за десятилетия своего правления он и не поставил себя и олицетворяемый собой режим в положение, вызывающее у народа страх.

Наиболее часто дискутируемый вопрос: что же представляло собой Estado Novo как политический режим? Очевидно, оно не было демократическим государством. Сам Салазар говорил не в какие-нибудь 30-е гг., а в 1958 г.: «Если демократия заключается в нивелировании до основания и отказе признать естественное неравенство; если демократия заключается в вере в то, что власть берёт свое начало в массах и что правительство должно быть делом масс, а не элиты, тогда, действительно, я считаю демократию фикцией. Я не верю во всеобщее избирательное право, потому что индивидуальное голосование не учитывает различия между людьми. Я верю не в равенство, а в иерархию. По моему мнению, люди должны быть равны перед

законом, но я считаю опасным давать всем одинаковые политические права. Если либерализм заключается в том, что всё общество строится на индивидуальных свободах, то я считаю либерализм ложью. Я верю не в свободу, а в свободы. Свобода, которая не склоняется перед национальными интересами, называется анархией и разрушает нацию» [1, с. 942].

Оливейра Салазар не стеснялся слова «диктатура» и в этом смысле ставил режим национальной диктатуры, как и режим Estado Novo, в один ряд с традиционными диктаторскими режимами, подчёркивая их высокую эффективность и рациональность. Так, например, по его оценке, «диктатуры показали себя исключительно активными в развитии законодательства и институтов, повышающих условия жизни трудящихся масс, из-за большей лёгкости, с которой, на основе порядка и дисциплины, они могут решать эту проблему, без партийного или классового духа, но только в полном подчинении великим национальным интересам».

Для него «несомненно, что диктатура, даже рассматриваемая только как концентрация в правительстве законодательной власти, является политической формулой: но нельзя утверждать, что она представляет собой долгосрочное решение политической проблемы; по сути, это переходная формула» [1, с. 62]. При этом Салазар обращает внимание на то, что «поскольку диктатуры часто рождаются из конфликта между властью и злоупотреблением свободой и обычно прибегают к мерам, подавляющим свободу собраний и свободу прессы, многие путают диктатуру и угнетение. Это не суть диктатуры, и, если понимать свободу (единственно верное для меня понятие) как полную гарантию права каждого человека, то диктатура может даже, без софистики, вытеснить в этом отношении многие так называемые либеральные режимы» [1, с. 62]. Однако в любом случае для Салазара диктатура - это почти безконтрольная власть, и этот факт делает её, по его мнению, «деликатным инструментом, который можно легко растратить и злоупотребить им». По этой причине он считал неправильным, чтобы она на-

вязывала себя навечно, ибо она является лишь средством решения политической проблемы Португалии.

Видимо, поэтому в конце 50-х гг. он уже не соглашается признавать, что в Португалии существует диктатура. Теперь он говорит о том, что «это всего лишь эксперимент по созданию независимого от партийной и парламентской борьбы правительства, тем самым укрепляя его, и как таковой он должен быть оценён по достоинству». Его необходимость он объяснял тем, что «перед лицом трудностей современной жизни и государств, чья организация даёт им огромную власть принимать и выполнять принятые решения - многие из которых направлены против Запада - мы должны либо уступить и сдаться, либо искать пути достижения сильных правительств, способных определить позицию и ответить вместе со своими народами за международный компромисс» [1, с. 941].

Подвергая критике представления о том, что «диктатура должна заниматься только управлением, а не политикой», Салазар указывал: «Верно только то, что можно осуществлять управление вне всякой партийной политики, но в этом строгом смысле не следует говорить - можно, следует говорить - нужно. Однако, если помнить об истинном и высоком значении слова «политика», я считаю, что без политики невозможно осуществить управление, которое может быть влиятельным и действительным. За пределами мелкой целесообразности, материального исполнения правила, можно утверждать, что истинное управление всегда имеет за собой концепцию государства, социального назначения, публичной власти и её ограничений, справедливости, богатства и его функций в человеческих обществах, то есть экономико-политическую доктрину, если хотите, философию. Горе тем правительствам, а точнее, горе тем народам, чьи правительства не могут определить высшие принципы, которым подчиняется их государственное управление!» [1, с. 61].

С точки зрения политического стиля салазаризм и фашизм вообще принципиально противоположны. Оливейра Салазар

не разделял характерный для фашизма и нацизма, равно как и для большевизма, курс на поддержание мобилизационной напряжённости в обществе, поскольку в принципе не доверял массам и был противником «плебейских» движений. Он не стремился к прямым контактам с массами, не любил митинги и прочие массовые мероприятия и вообще предпочитал социальную апатию. В том числе поэтому он не собирался принимать фашизм в качестве идеологического образца для Португалии, а в отношении германского нацизма высказывался очень критично (например, в сентябре 1941 г. он называл «позором для Европы то, что <...> нацизм навязывает себя повсюду со своей жестокостью»). Салазар отвергал систематическое обращение к насилию, являющееся логическим следствием фашистской доктрины всемогущества государства: «Насилие, которое является прямым и постоянным результатом фашистской диктатуры, не применимо к нашим условиям и не может быть приспособлено к нашим обычаям».

Только политические обстоятельства - начало гражданской войны в Испании - заставили его согласиться на создание «Португальского легиона», и то - под прямым контролем государства, причём уже после исчезновения угрозы распространения этого конфликта на Португалию Легион стал плавно трансформироваться в силы гражданской обороны. Сам Салазар не принимал символы тоталитарной власти, такие как отличительная эмблема (как, например, фасции, свастика или ярмо и стрелы Фаланги), и не одевал униформу. В 1933 г. в книге «Салазар и его время» Ролан Прету, лидер национал-синдикалистов (действительно португальского аналога фашистов, запрещённого Салазаром), утверждал, что, отказавшись носить форму, Салазар продемонстрировал своё профессорское пренебрежение к новым формулам, не понимая, что именно они спасут Европу от коммунизма. Так или иначе, Салазар действительно испытывал чувство некоего академического превосходства над современными ему фашистскими и фашистующими политиками. Сохранилось лишь несколько фотографий конца 30-х гг.,

на которых он отдаёт «кримское приветствие» в ответ тем, кто настаивал на этом жесте, но подобные фотографии имеются и у членов британской королевской семьи.

К тому же Салазар считал фашизм и нацизм «языческими» и чересчур «демократичными» идеологиями: по его словам, в отличие от португальского Estado Novo «фашистская диктатура тяготеет к языческому режиму, к новому государству, не знающему правовых или моральных границ». Это убеждение особенно усилилось после столкновения нацистов с Ватиканом и издания папской энциклики 1937 г., осудившей идолопоклоннический мессианизм гитлеризма. К этому времени он понял, что не стоит доверять неистовому харизматическому авантюристу из-за Рейна.

В разгар Второй мировой войны, 25 июня 1942 г., выступая по национальному радио, Салазар говорил о невозможности «согласиться с тем, что гипертрофия власти должна игнорировать права совести; что государство должно поглотить всю жизнь нации и естественные объединения, которые защищают саму жизнь и деятельность людей; что экономические потребности должны быть основным принципом организации наций или международного общества; что индивидуальная инициатива должна исчезнуть как движущий фактор социальной активности, а вся инициатива, всё богатство и всё управление жизнью в обществе должны перейти к государственной власти» [1, с. 472].

Салазаризм обозначил чёткие границы вмешательства государства в социальную жизнь и, в отличие от доктрины Морраса - *politique d'abord* («политика в первую очередь») - ставил ценности, вдохновлённые христианством, выше любых материальных целей государства. Исходя из этой философии, Салазар рано высказал оговорки в отношении «языческих» идеологий фашизма и нацизма - а именно, культа насилия и этатизма - и всегда стремился заявить о португальской оригинальности, подчёркивая принципиальные различия между своим политическим проектом и проектами европейских тоталитаризмов.

Он всегда настаивал, что «суверенное государство, не ограниченное моралью и правом, является тоталитарным, а мы этого не признаём». Обязанностью государства при Салазаре считалось соблюдение прав и гарантий личности, семьи, корпораций и местной власти. Оно гарантировало право на труд, на собственность, на капитал и (с известными оговорками) на свободу убеждений. Оно также позволяло каждому обжаловать злоупотребления властью и запрещало смертную казнь. Все те, кто не боролся против власти, чувствовали в салазаровской Португалии себя спокойно и безопасно.

Салазар говорил о том, что «в мире, несомненно, существуют политические системы, с которыми португальский национализм имеет сходства и точки соприкосновения - почти исключительно ограниченные корпоративной идеей. Но в процессе его реализации, и прежде всего в концепции государства и организации политической и гражданской поддержки власти, различия хорошо заметны. Когда-нибудь будет признано, что Португалия управляет оригинальной системой, уникальной для её истории и географии, которые так отличаются от всех других» [5].

И хотя салазаризм мог при этом заимствовать определённые черты у итальянской модели, особенно в конце 1930-х гг., он определённо не относится к категории фашистских явлений. В режиме Салазара не было единственной партии как «ордена меченосцев», и соответственно - не происходило срачивания партийных и государственных органов. Салазар никогда не мог бы сказать, подобно Гитлеру: «Не государство приказывает нам. Мы - те, кто командует государством». Антониу Ферро в своей книге «Салазар, человек и его работа», отмечал, что в Португалии «власть захватила не партия, не революционная сила; это была армия, орган нации, которая вмешалась, чтобы создать условия, необходимые для существования антипартийного и национального правительства. Вооружённые силы не являются партией, не представляют партию и не могут защищать партийность» [5].

Ферро приводит ответ Салазара на вопрос о том, не считает ли он, что армия является привилегированным классом в рамках диктатуры: «Немного привилегированный, без сомнения; это плод давней традиции, общей, я полагаю, для всех стран. Но не надо сравнивать привилегии армии в Португалии с привилегиями рабочих в России. Военные, среди нас, имеют те же права и обязанности, с юридической точки зрения, что и любой гражданин Португалии». И далее он объясняет свои мысли относительно армии: «Я думаю, что у страны есть открытый долг перед армией, который нелегко погасить. Возможно, что этот класс временно пользуется определённым превосходством, определёнными преференциями, но эти привилегии оплачиваются, и хорошо оплачиваются, услугами, оказанными делу порядка, которое в данный момент является делом самой нации. <...> Армию нужно беречь и придавать ей престиж, потому что она - незаменимые строительные леса для созидательного строительства, для строительства Нового государства» [5].

Итак, Estado Novo не было тоталитарным, как фашистская Италия или нацистская Германия, а только авторитарным государством с режимом консервативной патерналистской диктатуры. Больше того, это было классическое европейское полицейское государство, созданное почти в строгом соответствии с моделью XVII-XVIII вв., с поправками на объективные обстоятельства своего времени. Ведь и правда, подход профессора политэкономии и финансов Салазара к управлению государством мало отличим от подхода теоретиков полицейского государства из числа представителей «камеральной науки» эпохи Просвещения.

Западноевропейское абсолютистское государство, в котором всё управление в целом обозначалось понятием «полиция», создало уникальный политический дискурс - «полицейскую науку», которую Г. Майер определил как «политическую науку абсолютистского государства». Главное её содержание заключалось в том, чтобы научить, «как содержать в хорошем состоянии и порядке внешние и внутренние дела государства

для всеобщего счастья». Полицейское управление опиралось на философию счастья и порядка, и его компетенция была практически неограниченной. На основе широко понятого понятия «полиция» любое внутриполитическое действие государства рассматривалось систематически в рамках обширных представлений о задачах и полномочиях государства («полиция надзирает за всем, что касается счастья людей», а также «полиция надзирает за всем, что задаёт для общества правила»). Было ли в таком случае полицейское государство эпохи просвещённого абсолютизма тоталитарным и фашистским? Здравые размышления подсказывают однозначный отрицательный ответ. Но то, что Салазар, мечтавший в юности быть «первым министром абсолютного короля», разделял мировоззренческие установки камералистики и полицейстики - вполне очевидно, как и то, что его режим можно считать последним воплощением просвещённого абсолютизма, пусть и без абсолютного монарха.

Наконец, никто не был дальше Салазара от типажа фашистского и вообще тоталитарного вождя. Культ личности Салазара если постепенно и сформировался, то был выдержан в весьма сдержанных тонах типичного авторитарного лидерства и мало походил на культуры Гитлера и Муссолини, а тем более коммунистических вождей. Он был также куда более умеренным, чем культ Франко в соседней Испании. Салазар воспринимался как «великий моральный глава нации», жертвующий собой ради величия нации и счастья португальского народа. В отличие от демагогов, обычно обращающихся к дурным человеческим инстинктам, он апеллировал к совести и альтруизму, к свету Благодати, скрытому в глубине каждой души. Личная честность и благородство его никогда и никем не оспаривались. Да, в португальской пропаганде Салазар представлялся как реинкарнация португальского величия, унаследованного от Генриха Мореплавателя и Дона Себастьяна, как «Дон Нуно XX века», «спаситель родины» и «искупитель нации», движимый постоянной заботой о благополучии португальцев и могуществе

империи, стремящийся «вернуть Португалию к жизни привычным образом» в порядке и с уважением к её традициям. Но в этом нет ничего необычного для классических консервативных режимов.

В Estado Novo культивировалась дистанция между властью и народом, в чём проявлялась определённая приверженность иберийским королевским традициям, предписывавшим, чтобы король появлялся на публике как можно меньше, чтобы сохранить таким образом мистику державной власти. Создавался образ Салазара как «монаха-диктатора», почти невидимого, но незримо присутствующего повсюду «великого бухгалтера душ и бюджетов»; правителя, «женатого на нации», одинокого и неустанно трудящегося в своем монастырском кабинете, положившего свою жизнь на алтарь возрождения национального величия.

Салазар вдохновлялся чувством ответственности перед историей, перед «лузитанским, латинским и христианским наследием» исторической Португалии, и Estado Novo представляло собой средство её возрождения и защиты. Салазар заботился о сохранении традиционных зданий, для чего постоянно осуществлялась тщательная реставрация храмов, замков, дворцов и т.д.; также поддерживались старые и создавались новые музеи и национальные парки, возводились памятники национальным героям.

Все они призваны были быть свидетельствами былого величия Португалии, которые следует сохранить для будущих поколений.

Но традиционализм Салазара - это не просто обращение к прошлой славе XV в. и не политическая эксплуатация тоски о прошлом, португальского *saudade*. Это скорее обращение к традиции, проистекающее из чувства ответственности перед жизнью и страданиями прошлых поколений, которые породили настоящее. По его мнению, история Португалии прервалась в XIX в., когда в стране господствовали чуждые идеи и управляли чуждые институты. На какой-то период Португалия пере-

стала быть истинно португальской, но в 1926 г. этот период закончился и Португалия снова стала собой.

Шеф Estado Novo был убеждён в том, что модернизация несёт в себе большую разрушительную силу, источником которой являются механизация, прогресс автоматики, превращающий людей в машины, жестоко изолирующий их, разрушающий их эмоции, вкусы и привычный уклад жизни. Продукт этих изменений - современный городской человек, сформировавшийся в борьбе с окружающими, которые оспаривают у него место под солнцем, и в атмосфере этой непрестанной борьбы превратившийся в эгоиста, возможно, даже не замечая этого.

Когда однажды один из губернаторов предложил увеличить расходы на благоустройство сельских районов, Салазар ответил ему: «Вы не знаете внутренних районов Португалии. Люди, которые там живут, всё ещё очень привязаны к своим вековым традициям и образу жизни. Если мы вдруг принесём им прогресс, мы серьёзно нарушим их естественное равновесие». При этом он поставил вопрос: «Например, если мы уберём фонтаны и проведём воду в их дома, женщинам больше не придётся каждое утро ходить с кувшинами к фонтану. Как они смогут разговаривать друг с другом?». Он был убеждён, что это была «идеальная жизнь многих португальцев, счастливо живших таким образом», поэтому её незачем менять.

Салазар отверг перспективу строительства высотных домов в Португалии, полагая, что небольшие отдельные дома будут способствовать тишине, спокойствию и любви, укреплению чувства собственности и семейных уз. Напротив, огромные жилые комплексы спровоцировали бы «бездорядочные связи, революцию и ненависть», потому что там «отдельные люди становятся толпой». Неудивительно, что он наложил вето на предложение возвести в Лиссабоне десятиэтажное здание на сто квартир, предназначенное для интеллектуалов и художников. По этому случаю он напомнил архитектору Жоржи Сегураду, предложившему эту идею, о том, что произошло во время краткого февральского восстания в Австрии в 1934 г. Там

огромный жилой комплекс Карл Маркс Хоф в Вене стал полем битвы между рабочими и австро-фашистами. Зато он восхищался жилыми комплексами из отдельных домиков с огородами. Проезжая мимо них, он говорил: «Какая замечательная цветная капуста! Какие красивые розы!». Стремясь воссоздать сельскую жизнь в городском контексте, он даже при переезде в официальную резиденцию президента Совета Салазар тщательно спланировал, как разместить цыплят, кур и кроликов во внутренних помещениях двора в самом центре Лиссабона (правда, здесь всё-таки решающую роль сыграла его экономка донья Мария).

Салазар не был приверженцем экзотических экспериментов ни в жизни, ни в политике. Осознавая ограниченность силы человека, его возможностей изменять социальный порядок, он стремился сделать португальцев «скромными в своих стремлениях», «заставить их ожидать серьёзных результатов только от медленного преобразования душ». По-видимому, взятой им за основу политической моделью была практическая, «несентиментальная» английская модель XIX в., да и сам он признавался: «Я делаю политику и управляю совсем как англичане».

Путь в будущее, как он считал, должен был быть медленным. Не случайно в 1962 г. он отказал компании Coca-Cola в доступе на португальский рынок, объяснив свое несогласие так: «...Это вопрос того, что я бы назвал моральным ландшафтом. Португалия - консервативная нация, патерналистская и - хвала Господу - отсталая страна, что я считаю скорее лестной, чем уничижительной характеристикой. Вы рискуете представить в Португалии то, что я ненавижу больше всего, то есть модернизм и знаменитую “эффективность”. Я просто содрогаюсь при мысли о ваших грузовиках, мчащихся на полной скорости по улицам наших старых городов, ускоряя своим движением темп нашего образа жизни». А в середине 1968 г. Оливейра Салазар ещё более определённо прояснил свою позицию по отношению к прогрессу как таковому: «Я не хочу заставлять свою

страну платить высокую цену за преобразования, ценность которых ещё предстоит продемонстрировать».

В 1940 г. журнал Life назвал Салазара «величайшим португальцем со времён Энрике Мореплавателя», объясняя, что он «воссоздал страну из хаоса и нищеты». А в 1942 г. папа Пий XII сказал, что «Господь даровал португальской нации образцового главу правительства». Сегодня многие в Португалии (конечно, не в среде левых или либералов) считают, что основная ошибка доктора Антониу де Оливейры Салазара была в том, что он не восстановил монархию после смерти президента республики маршала Кармоны в 1951 г. Салазаристская монархия или салазархия, как говорил Иполиту Рапозу, была бы идеальным рецептом для длительного успеха режима и даже для его выживания в трансформированном виде после политической смерти Салазара, вызванной его болезнью. Вместо этого после 25 апреля 1974 г. Португалия оказалась во власти леволиберальных режимов, вскоре уничтоживших (вместе с двумя третями золотого запаса в 800 тонн) её политическую и экономическую независимость и национальную самобытность.

Таким образом, салазаризм представляет собой уникальный политический режим, сочетавший политику «консервативной модернизации» с приверженностью к воспроизведству традиционных форм государственности, методов государственного управления и способов принятия политических решений, характерных скорее для Нового, а не Новейшего времени. Именно это не позволяет согласиться с сохраняющейся в леворадикальных и ультралиберальных кругах оценкой салазаризма как «фашистского» или «полуфашистского» режима. На свойственный ему политический стиль наложили свой сильный отпечаток личностные качества Салазара (честность, скромность, принципиальность, искренность, готовность к самоопожертвованию, глубокая внутренняя религиозность и др.) и связанные с ними особенности поведения шефа Estado Novo как крайне консервативного политика, даже гордившегося своей «реакционностью», но при этом настоящего патриота сво-

ей страны, всегда твёрдо отстаивавшего её национальные интересы. Именно это в нынешних условиях кризиса Запада, о наступлении которого много говорил и сам Салазар, является фактором роста интереса к его личности и привлекательности его образа, вопреки попыткам европейского леволиберального «мейнстрима» увековечить стереотипное восприятие Салазара и салазаризма в том виде, как оно навязывалось после апреля 1974 г. Хотя сегодня крайне трудно представить себе возможность возрождения «салазаризма без Салазара» в современной Португалии, тем не менее нельзя не отметить, что именно салазаризм является наиболее чистым «идеальным типом» (почти в веберовском смысле) «консервативной революции» в Европе, всплеска которой при определённых условиях вполне можно ожидать и в будущем.

Список используемой литературы:

1. Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928-1966. – Obra Completa. Vol.I-VI. - Coimbra, Coimbra Editora, 2016.
2. Franco Nogueira, A. Salazar. - Vol.I A Mocidade e os Princípios (1889-1928). - Porto: Livraria Civilizado, 1985.
3. Политическая конституция Португальской Республики 1933 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>
4. «Tive um poder enorme como ministro do Ultramar». Entrevista com Adriano Moreira // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://expresso.pt/actualidade/tive-um-poder-enorme-como-ministro-do-ultramar=f459552>
5. Ferro, A. Salazar. Portugal and her Leader. - London: Faber & Faber Ltd., 1939.

(Источник: Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 2022)

Александр Шведов

САЛАЗАР

*«Я не верю в равенство, я верю в иерархию»
Антониу ди Оливейра Салазар*

Когда-то.
Левый краешек Европы.
Квартира съёмная.
Улыбчивый диктатор.
За окнами жара.
И нет ни улиц,
ни памятников имени себя.

Мария приготавливает кофе
с цейлонскою корицей и лимоном,
пока хозяин за ореховым бюро
в Коимбру пишет о продлении срока
профессорского отпуска прошение –
на случай если перестанет править.
Его он продлевал аж 40 лет,
и даже в те воинственные годы,
когда бомбили чуточку правее.
Страну спасал его нейтралитет
и залежи всем нужного вольфрама.

Простят ли слабость к дорогим машинам
погибшие в колониальных войнах?

Зато при нём всё как-то обходилось
без смертных казней...
В 68-м
он глупо выпал из шезлонга и разбился,

с инсультом прожил два туманных года,
не ведая – сочувственный преемник
распорядился выпускать газету
в единственном мажорном экземпляре,
чтоб он плескался в милых новостях.

Скажи – не заслужил? А так – диктатор...
но *cidados* до сих пор грустят.

Примечание: *cidados* – граждане (порт.)

(<https://poembook.ru/poem/2887670-salazar>)